

ИТАЛИЯ

Томмазо Кампанелла

О простом народе

**Огромный пестрый зверь – простой народ.
Своих не зная сил, беспрекословно
Знай тянет гири, тащит камни, бревна –
Его же мальчик слабенький ведет.**

**Один удар – и мальчик упадет,
Но робок зверь, он служит полюбовно, –
А сам как страшен тем, кто суесловно
Его морочит, мысли в нем гнетёт!**

**Как не дивиться! Сам себя он мучит
Войной, тюрьмой, за грош себя казнит,
А этот грош король же и получит.**

**Под небом все ему принадлежит, –
Ему же невдомек. А коль научит
Его иной, так им же и убит.**

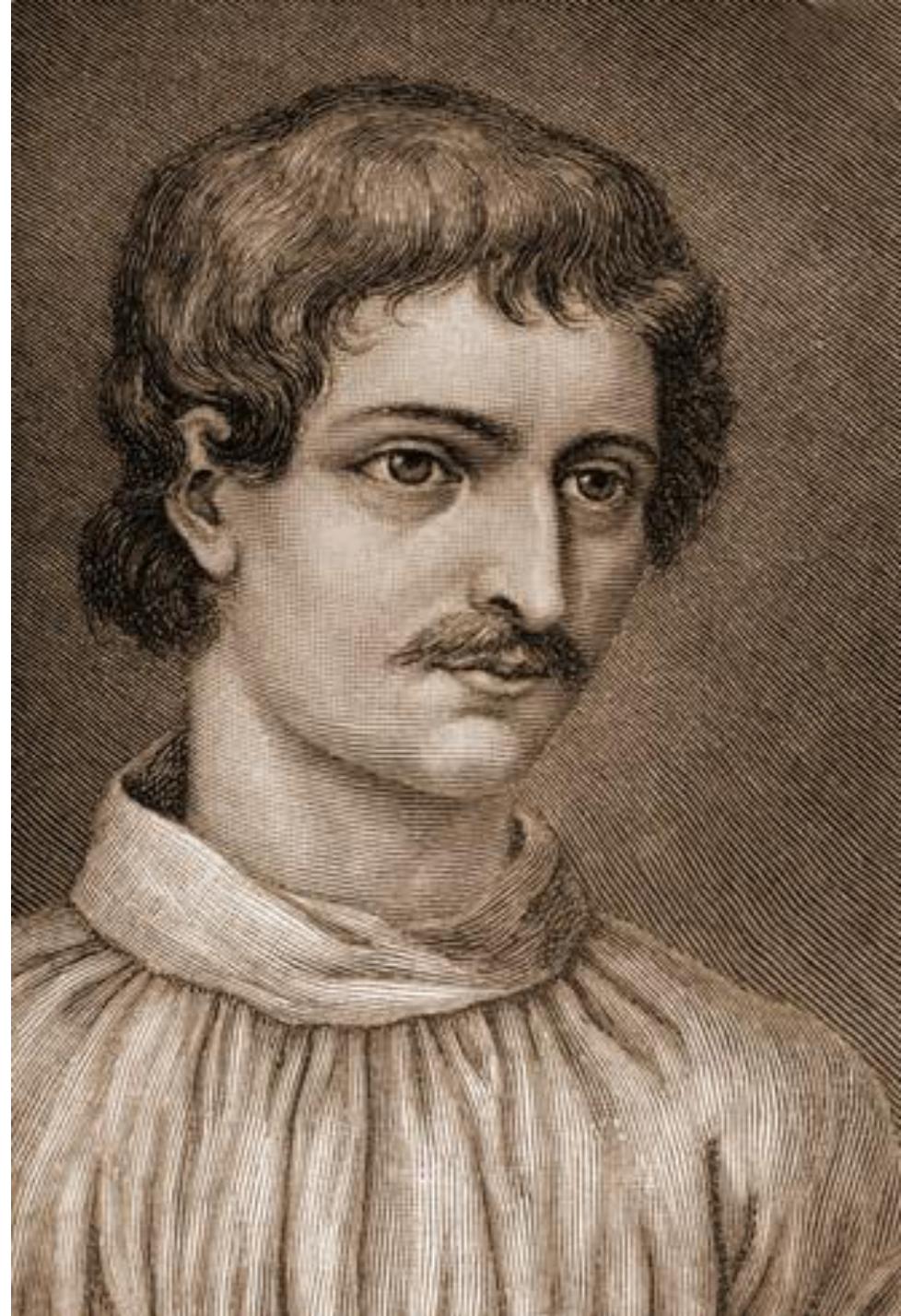
Джордано Бруно

Единое, начало и причина,
Откуда бытие, жизнь и движенье,
Земли, небес и ада порожденья,
Всё, что уходит вдаль и вширь, в глубины.

Для чувства, разума, ума – картина:
Нет действия, числа и измеренья
Для той громады, мощи, устремленья,
Что вечно превышает все вершины.

Слепой обман, миг краткий, доля злая,
Грязь зависти, пыл бешенства с враждою,
Жестокосердые, злобные желанья

Не в силах, непрестанно нападая,
Глаза мои задёрнуть пеленою
И солнца скрыть прекрасное сиянье.

**Франческо Петрарка. Из цикла
«На жизнь мадонны Лауры»**

ХСVII

О высший дар, бесценная свобода,
Я потерял себя и лишь тогда,
Прозрев, увидел, что любовь – беда,
Что мне страдать все больше год от года.

Для взгляда после твоего ухода
Ничто рассудка трезвого узда:
Глазам земная красота чужда,
Как чуждо все, что создала природа.

И слушать о других и речь вести –
Не может быть невыносимей муки,
Одно лишь имя у меня в чести.

К любой другой заказаны пути
Для ног моих, и не могли бы руки
В стихах другую так превознести.

Франческо Петрарка Из цикла « На жизнь мадонны Лауры»

сонет 61

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не заметил,
Так глубоко пронзён стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, –
Дум золотых о ней, единой сплав!

**Франческо Петрарка Из цикла « На
жизнь мадонны Лауры»**

сонет 112

Сенуччо, хочешь, я тебе открою,
Как я живу? Узнай же старина:
Страдаю, как в былые времена,
И остаюсь во всём самым собою.

И та, кому я предан всей душою,
Как прежде – то надменна, то скромна,
То снисходительна, то холодна,
То благодушна, то гроза грозою.

Здесь пела, здесь сидела, здесь прошла,
Здесь обернулась, здесь как стрелы, очи
Вонзила в сердце, взяв навеки в плен,

Здесь грустной, здесь весёлою была...
О милой помышляю дни и ночи.
Как видишь, у меня без перемен.

**Франческо Петрарка Из цикла
« На смерть мадонны Лауры»
Сонет 311**

О чём так сладко плачет соловей
Рассветный мрак будя волшебной силой?
О милой ли тоскует он своей?
О чадах ли? Ни милых нет, ни милой.

Всю ночь он будит грусть мою живей,
Ответствуя, один, мечте унылой...
Так, вижу я: самих богинь сильней
Царица Смерть! И всем грозит могилой!

О, как легко чарует нас обман!
Не верил я, чтоб тех очей светила,
Те солнца два живых, затмил туман, —

Но чёрная земля их поглотила.
«Всё тлен! — поёт нам боль сердечных ран —
Всё, чем бы жизнь тебя не обольстила».

**Франческо Петрарка Из цикла
« На смерть мадонны Лауры»
Сонет 292**

Я припадал к её стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам – на земле, а думы – в облаках.

Я пел о золотых её кудрях,
Я воспевал её глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она – холодный прах.

А я, без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвётся здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Данте Алигьери

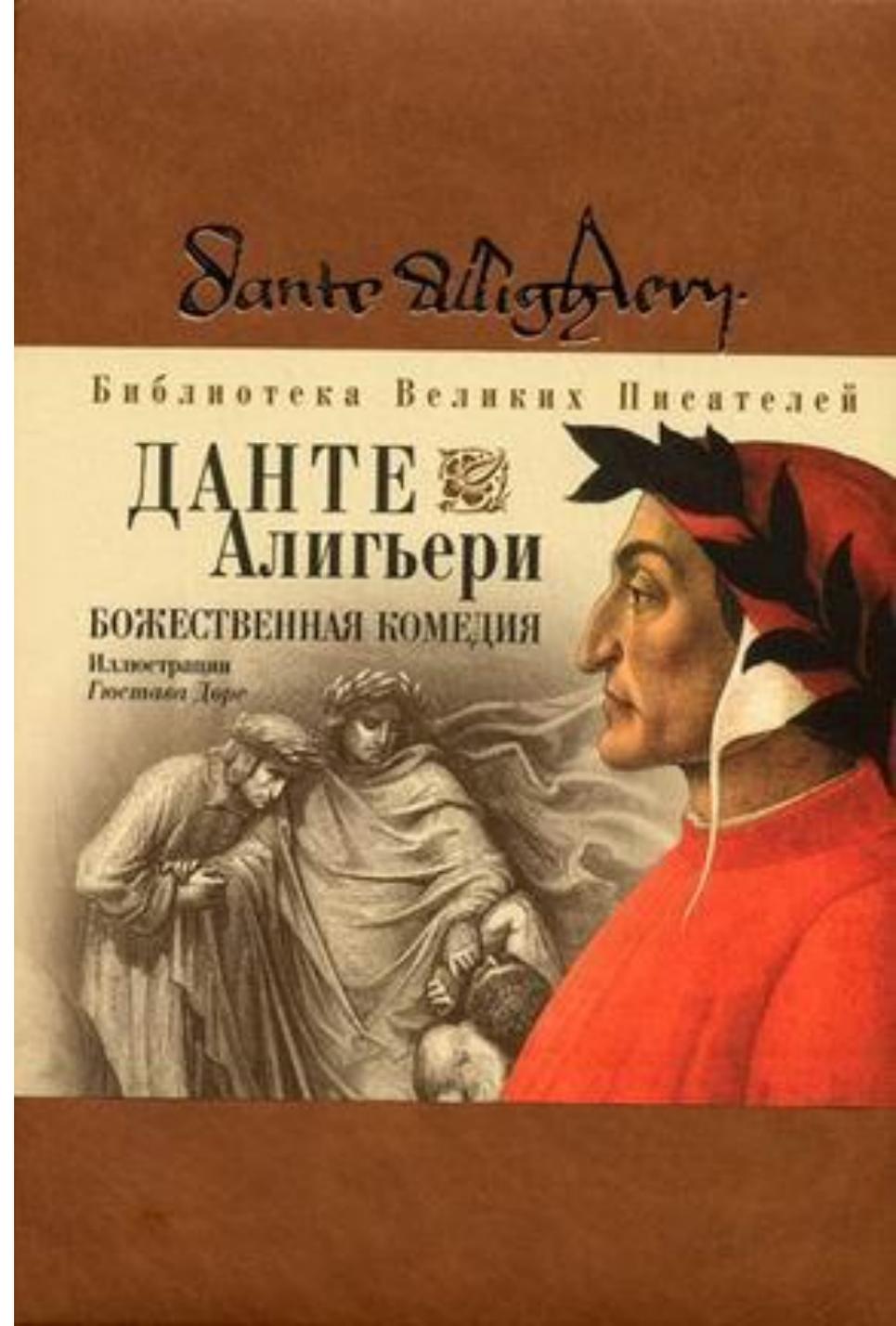
Данте Алигьери – к Данте да Майяно

На Вас познаний мантия – своя,
Мне кажется, и разобравшись строго,
Вам, друг мой, не нужна моя подмога:
Я славлю Вас, но я Вам не судья.

В сравненье с Вашим знаньем бытия
Поверьте мне, моё – весьма убого,
Дорога знаний – не моя дорога.
И вы всеведущи, не то, что я.

Отвечу, положа на сердце руку
И ложь прогнав любую от себя,
Как надлежит в беседе с мудрым
мужем.

Не посчитайте домыслом досужим
Такой ответ: кто не любим, любя,
Страшнейшую испытывает муку.

Данте Алигьери
К Чинно да Пистойя

Я полагал, что мы навек отдали
Любовной теме дань, что минул срок –
И близость к берегу ладье не впрок,
Когда зовут ее морские дали.

Но, Чинно, мне не раз передавали,
Что ловитесь вы на любой крючок.
И я соблазна избежать не смог,
И вновь перо персты устало сжали.

Когда влюбляются подобно Вам,
Направо и налево то и дело,
Не могут быть опасными раненья.

Чтоб ваше сердце Вами не вертело,
Займитесь им, - возвышенным стихам
Противоречат ваши похождения.

Данте Алигьери

О бог любви, прошу, поговорим, –
От мыслей тяжких отвлеку речами,
Мы можем посвятить беседу даме,
Так хорошо известной нам двоим.

Тем самым путь с тобой мы сократим:
Приятно. Если обсуждают с нами
Любимой добродетели. И сами
О них мы можем говорить с другим.

Так начинай, сеньор, нарушь молчанье,
Но прежде – о причине, что в пути
Тебя со мною вдруг соединила.

Любезность или жалость побудила
Тебя ко мне, владыка, снизойти?
Я слушаю тебя, я весь вниманье.

Данте Алигьери

Задумчиво идёте, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.

Не плачете, неведеньем хранимы,
Проходите, все чувства затая,
А всех людей пленила скорбь моя,
Печали их – увы! – неутолимы.

Но если б захотели вы внимать
Тем вздохам сердца, что всечасно
внемлю,
Оставили б, рыдая, град скорбей.

Покинуло блаженство эту землю,
Но то, что можем мы о ней сказать,
Источник слёз исторгнет из очей.

Данте Алигьери

Я Вам одной – и больше никому –
Вверяю дух, настолько измождённый,
Что жалость он, страдалец обречённый,
Мучителю внушаю своему,

Который господину стал ему
По Вашей воле, и, порабощённый,
Твердит Амуру дух приговорённый:
«Твои решенья как свои приму».

Я знаю, Вы неправоты бежите,
Но смерти не заслуживаю я,
И потому мне умирать больней.

О, дама благородная моя,
Утешьте перед смертью, подождите,
Не укрывайтесь от моих очей.

Рафаэль Санти
Дама с единорогом

Данте Алигьери

Любовь и благородные сердца
Одно, сказал поэт в своей канцоне.
Так разум, по ученью мудреца,
С душой не разделим в духовном лоне.

Природа сердце превратит в дворца
Палату, где сам бог любви на троне.
Порою царство длится без конца,
Но иногда не верен он короне.

Затем в премудрой даме красота
Пленяет взор и в сердце порождает
Тот дух любви, что связан с ней навек;

Растёт и крепнет властная мечта.
И в сердце дамы тоже возбуждает
Любовь достойный чувства человек.

Данте Алигьери

Судьба мне эту встречу подарила
В день Всех Святых: с Амуром рядом шла
Та, что подруг своей красотой затмила
И как бы за собою их влекла.

Смотрела так она, как будто сила
Неведомая дух её зажгла,
И в лице что-то ангельское было,
А может, ангелом она была.

С приветом благосклонно обращалась
Она к достойным и в сердцах людей
При этом добродетель пробуждалась.

За нас, должно быть больно стало ей,
И с небом ради нас она рассталась.
Блаженна та, что ближе прочих к ней.

Данте Алигьери

Данте Алигьери – к Данте да Майяно

**Познание, благородство, мудрый взгляд,
Искусство, красота, сознание чести,
Любезность, слава, доброта без лести,
Отвага, сила, скромности наряд –**

**Вот те достоинства, что победят
Любви владыку всюду – врозь и вместе,
И все они достойны высшей чести:
Ведь каждое в победу вносит вклад.**

**Коль скоро, друг мой, от своих намерен
Ты добродетелей увидеть прок
Природных иль благоприобретённых,**

**Благим деяньям бога всех влюблённых
Не вздумай становиться поперёк, -
Не победишь Амура, будь уверен.**

Данте Алигьери

Я часто думал, скорбью утомлённый,
Что мрачен я не по своей вине.
Себя жалел, пылая, как в огне;
Твердил: «Так не страдал ещё влюблённый!»

О сколько раз, нежданно осаждённый
Жестоким богом, в сердца глубине
Я чувствовал, что дух один во мне
Ещё живёт, любовью озарённый.

Стремился вновь волнение унять
В моём бессилье и в изнеможенье.
Чтоб исцелиться, к Вам я шёл спеша.

Осмеливаясь робкий взор поднять,
Я чувствовал такое сотрясенье,
Что мнилось мне – из жил бежит душа.

Данте Алигьери

Любимой очи излучают свет
Настолько благородный, что пред ними
Предметы все становятся иными,
И описать нельзя такой предмет.

Увижу очи эти, и в ответ
Твержу, дрожа, повергнут в ужас ими:
«Отныне им не встретиться с моими!»,
Но вскоре забываю свой обет;

И вновь иду, внушая виноватым
Моим глазам уверенность, туда
Где побеждён, но их, увы закрою

От страха там, где тает без следа
Желание, что служит им вожатым.
Решать Амуру, как же быть со мною.

Леонардо да Винчи
Прекрасная Ферроньера

Рафаэль Санти
Донна Велата

Джованни Боккаччо

В силки меня Амур без сострадания
Приманкою завлѣк – очами той,
К кому я тем сильней стремлюсь мечтой,
Чем больше между нами расстоянье.

Но вырваться нет у меня желанья:
Так мне она мила и красотой,
И нравом, и душевной чистотой,
Что для меня мой плен – благоденье.

Кто хочет, пусть клянѣт тебя, любовь,
А я с того счастливѣйшего дня,
Когда уловлен в сети был тобою,

С признательностью славлю вновь и вновь
Твое святое пламя, что меня
Так возвышает над самим собою.

Джованни Боккаччо

Италия, в былом всех стран царица,
Где доблести твои и гений твой?
Кастальский хор умолк – теперь любой
Над честью муз божественных глумится.

В цене упали лавры – кто стремится
Стяжать их в дни, когда, гордясь собой,
Зло шествует с поднятой головой
И каждый жаждет лишь обогатиться.

Коль в прозе и стихах высокий слог
Давно утрачен лучшими из нас,
Ждать от тебя нельзя чудес искусства.

Скорби же вслед за мной о том, что рок
Так благосклонен сделался сейчас
К тем, чей язык убог и низки чувства.

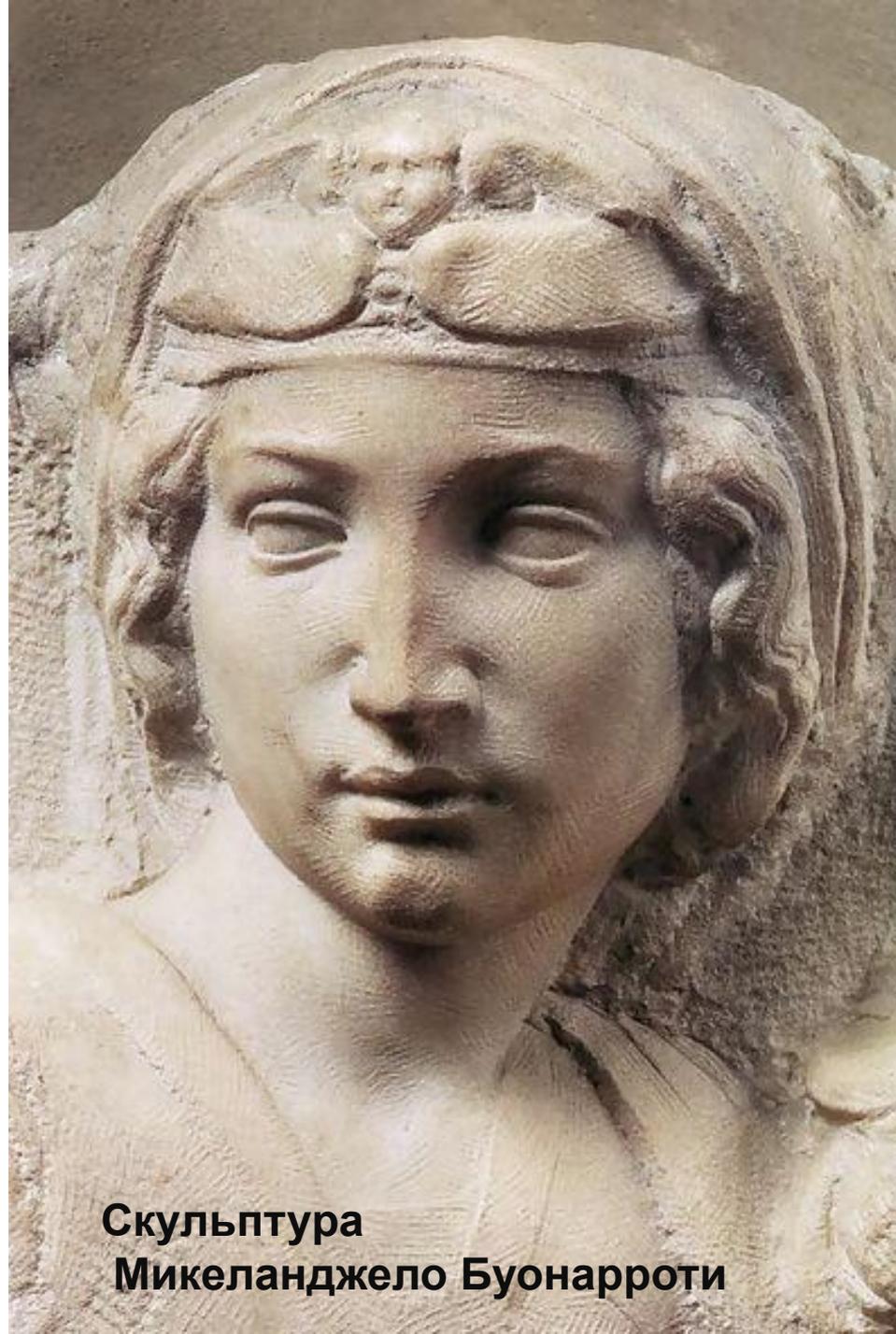
Джованни Боккаччо

О лаврах, столь любимых Аполлоном,
И влаги, орошающей Парнас,
Начав мечтать из-за прекрасных глаз,
Что приравнял к светилам благосклонным,

Я с хором муз в приюте их зеленом
Свой голос порывался слить не раз,
Но в этом мне презрительный отказ
Они давали с видом оскорбленным.

Хотя себя не в праве я винить
За то, что слабы оказались крылья,
Взмыть на которых мнил я так высоко,

Пора оставить тщетные усилия,
Уразуметь, как это не жестоко,
Что рвением талант не заменить.

Скульптура
Микеланджело Буонарроти

Джованни Боккаччо

Тот не умён, кто мнит ценой смиренья
От яростной судьбы себя спасти;
Ещё глупее тот, кто обойти
Пытается тайком её веленья;

Тот глуп втройне, кто от луны затменье
Рассчитывает криком отвести,
И глуп сверх меры тот, кто унести
С собой задумал в гроб своё именье.

Но тот уже совсем сума сошел,
Кто жизнь, свободу, состоянье, честь
Швырнуть бабёнке под ноги намерен.

Бездушен, зол, продажен женский пол,
И для него одна забава есть –
Терзать мужчину, коль в любви он верен.

Леонардо да Винчи
Портрет Беатриче д'Эсте

Томмазо Кампанелла

О корнях великих зол вселенной

Родился я, чтоб поразить порок –
Софизмы, лицемерие, тиранство,
Я оценил Фемиды постоянство,
Мощь, Разум и Любовь – ее урок.

В открытиях философских высший прок,
Где истина преподана без чванства, –
Бальзам от лжи тройной, от окаянства,
Под коим мир стелящийся изнемог.

Мор, голод, войны, козни супостата,
Блуд, кривосуды, роскошь, произвол, –
Ничто пред тою тройкою разврата.

А себялюбье – корень главных зол –
Невежеством питается богато.
Невежество сразить я в мир пришел.

Джордано Бруно

Кто дух зажѣг, кто дал мне лёгкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?

Века, года, недели, дни, часы ли –
Твоѣ оружие, время! – их потока
Алмаз и сталь не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.

Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Рассекши их подъемлюсь в бесконечность.

И, между тем, как и в другие сферы
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу – другим – я оставляю Млечность.

Памятник Джордано Бруно в Риме
на месте его сожжения

Микеланджело Буонарроти

Когда скалу мой жесткий молоток
В обличия людей преображает, -
Без мастера, который направляет
Его удар, он делу б не помог,

Но божий молот из себя извлёк
Размах, что миру прелесть сообщает;
Все молоты тот молот предвещает,
И в нем одном – им всем живой урок.

Чем выше взмах руки над наковальней,
Тем тяжелей удар: так занесен
И надо мной он к высям поднебесным;

Мне глыбой костенеть первоначальной,
Пока кузнец господень, - только он!
Не пособит ударом полновесным.

Микеланджело Буонарроти

О, было б легче сразу умереть,
Чем гибелью томиться ежечасной
От той, кто смерть сулит любви
злосчастной!

Увы, как право сердцу не тужить,
Когда его все горше дума губит,
Что та, кого люблю, меня не любит?

Как можно мне теперь остаться жить,
Когда она твердит и это явно,
Что ей себя не жаль, - меня подавно?

Как мне внушить ей жалость, если впрямь
Ей и себя не жалко? – О, проклятье!
Ужели вправду должен смерть принять я?

**Микеланджело Буонарроти
Портрет Рафаэля Санти**

Микеланджело Буонарроти

И карандаш и краски уравниали
С благой природой ваше мастерство
И так высоко вознесли его,
Что в ней красы еще прекрасней стали.

Ученою рукой теперь нам дали
Вы новый плод усердия своего
И, не презрев из славных никого,
Нам многих жизней повесть начертали.

Напрасно век с природой в состязанье
Прекрасное творит: оно идет
К небытию в урочный час отлива.

Но вы вернули вновь воспоминанье
О поглощенных смертью, - и вот
Ей вопреки, оно навеки живо!

Лоренцо Медичи

Вовек не вынести такого света,
Какой сияет на её челе;
Глазам, привыкшим к дольней полумгле,
Сей взор слепящий встретить силы нету.

Рассудок говорит – не диво это:
Она – создание рая на земле,
И как же нам, коснеющим во зле,
От красоты подобной ждать привета?

Нет, не для страсти смертной рождена,
И богом послана на эту землю,
Как милость высшая, великий дар.

Всем душам благодать несёт она,
Лишь я, несчастный, разуму не внемлю:
Кому – покой, мне – гибельный пожар.

Сандро Боттичелли
Симонетта Веспуччи

Микеланджело Буонарроти

Лишь Вашим взором вижу сладкий свет,
Которого своим, слепым, не вижу;
Лишь Вашими стопами цель приближу,
К которой мне пути, хромому, нет;

Бескрылый сам на Ваших крыльях, вслед
За вашей думой, ввысь себя я движу;
Послушен вам – люблю и ненавижу,
И зябну в зной, и в холоде согрет.

Своею волей весь я в Вашей воле,
И Ваше сердце мысль мою живит,
И речь моя – часть Вашего дыханья.

Я как луна, что на небесном поле
Невидима, пока не отразит
В ней солнце отблеск своего сиянья.

Лоренцо Медичи

Того желаю, что гнетёт меня,
Мне жизнь как смерть, мне вечность меньше года,
Мне нет воды в реке, в долине – брода,
Не слышно мне ни звука в шуме дня.

Я в лёд закован посреди огня.
Бегу цепей, и мне претит свобода,
Для уст моих цукута слаще мёда,
Я жив тоской, веселие кляня.

Врага люблю, друзей навек забыв,
Оковы рву, какие сам сковал.
Уходит жизнь, а смерть всегда со мною.

Так хрупкий челн в бушующем прибое
Ни вдаль отплыть, ни обрести причал,
Не может, ужас в дерзость претворив.

Сандро Боттичелли
Симонетта Веспуччи

ИСПАНИЯ

Мигель де Сервантес Сааведра

Святая дружба! Ты глазам людей
На миг свой образ истинный открыла
И вознеслась, светла и легкокрыла,
К блаженным душам в горный эмпирей,

Откуда путь из тьмы юдоли сей
В мир, где бы ложь над правдою царила
И зла добро невольно не творило,
Указываешь нам рукой своей.

Сойди с небес, иль воспрети обману
Твой облик принимать и разжигать
Раздоры на земле многострадальной,

Не то наступит день, когда нежданно
Она вернется к дикости опять
И погрузится в хаос изначальный.

**Фигуры Дон Кихота и Санча Панса
у подножья памятнику М.
Сервантесу в Мадриде**

Мигель де Сервантес Сааведра

Едва зима войдёт в свои права,
Как вдруг, лишаясь сладкозвучной кроны,
Свой изумруд на траур обнаженный
Спешат сменить кусты и дерева.

Да, времени тугие жернова
Вращаются, тверды и непреклонны;
Но всё же ствол, морозом обожженный,
В свой час опять укутает листва.

И прошлое вернётся. И страница –
Прочитанная – снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.

И лишь любовь не воскресает снова!
Вовеки счастья не вернуть былого,
Когда ужалит ревности змея.

Мигель де Сервантес Сааведра

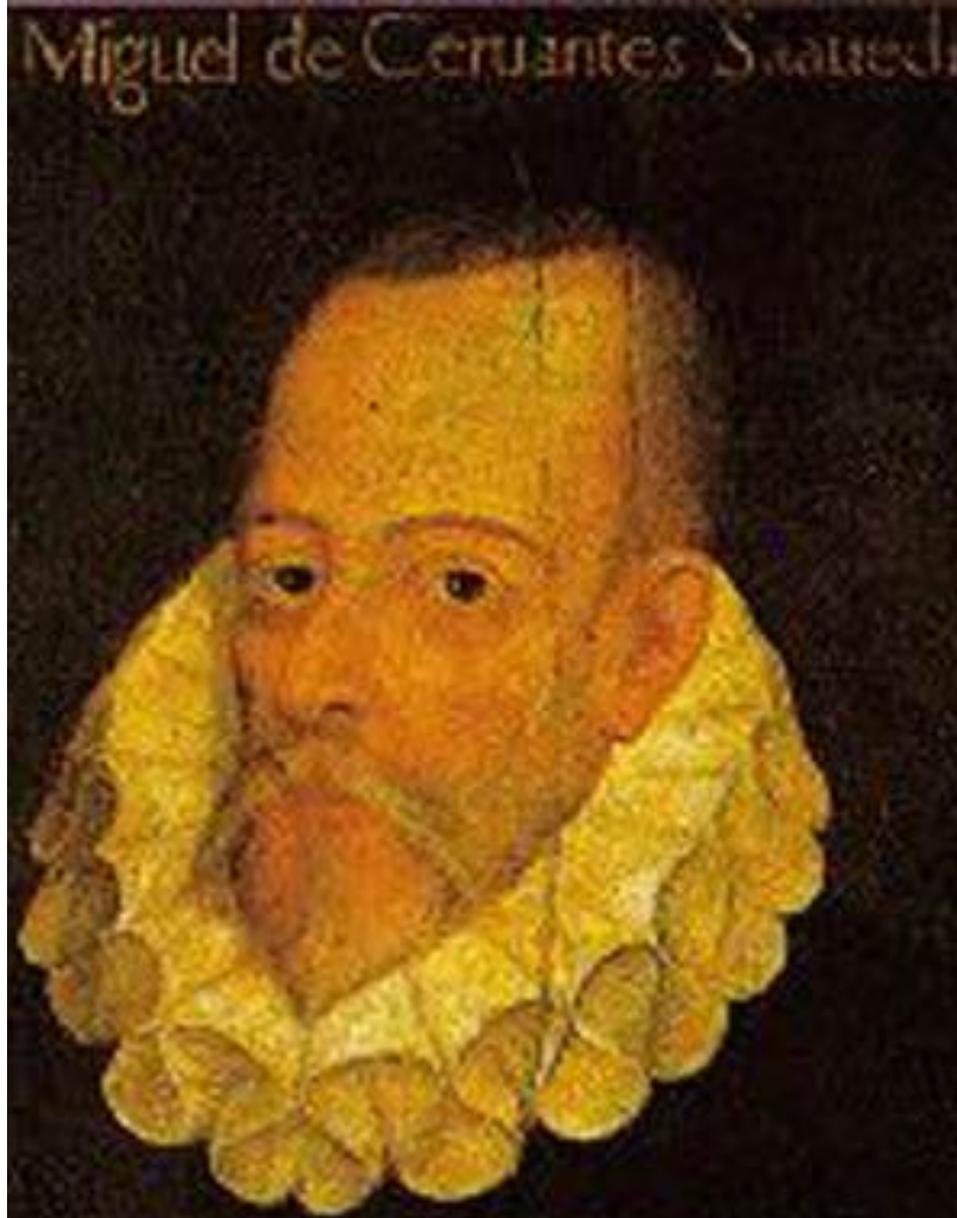
На одного отшельника

Был славный фехтовальщик Кампусано,
Кинжалом, шпагою владел не худо:
В Кастилье много изувечил люда,
А сам не получил и легкой раны.

Махнул он в Индию – на подвиг бранный:
Мнил, будет там ему дублонов груда;
Хромым, кривым вернулся он оттуда
И без руки – а золота ни грана.

Тогда, запасшись четок нитью длинной
Дубинкой, да силком для мелких тварей,
В пустыне сей он порешил укрыться,

Живет он со своею Магдалиной,
Блажен и счастлив, как святой Гиларий:
Нет худа без добра, как говорится.

Портрет М.Сервантеса
Лопе де Вега

Диего Веласкес. Дама с веером

Гарсио де ла Вега

Ваш взор вчekanен в сердце мне, сеньора.
И сколько бы я Ваш ни славил взгляд,
Стиха красноречивее стократ
Чеканное стихотворенье взора.

Сонеты Ваших глаз... Пускай не скоро
Я до конца пойму их смысл и лад,
Но веру в Вас принять на веру рад
И приговору внемлю без укора.

Я Вас люблю. Я изваял Ваш лик
Под стать своей любви, но страсти пламя
Не в силах Вам расплавить сердца твердь.

Лишь Вами осенён мой каждый миг:
Рождённый ради Вас, живущий Вами,
Я из-за Вас приму – приемлю! – смерть.

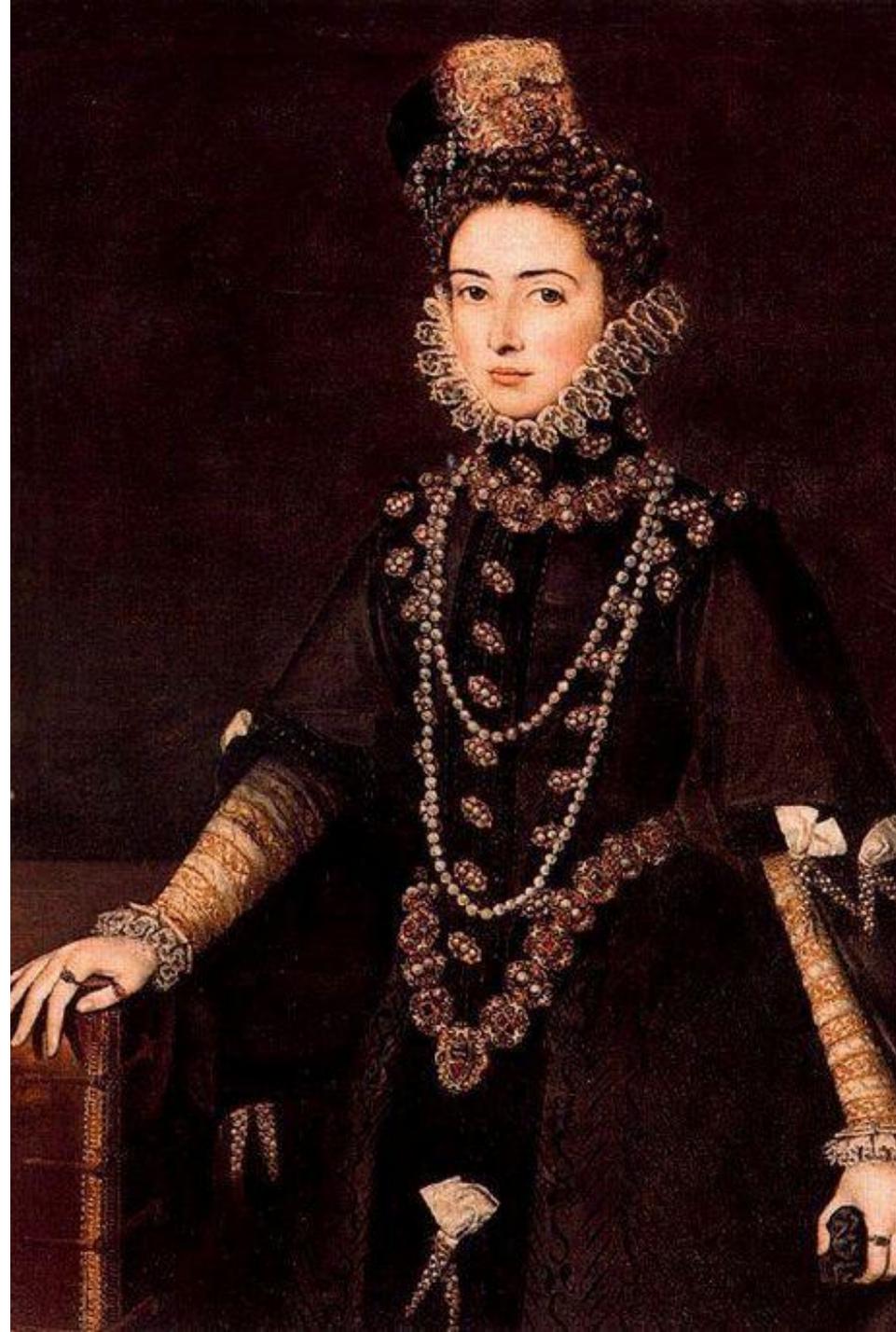
Гарсио де ла Вега

Да мягче воска я по Вашей воле.
Да Ваши очи – солнца жаркий свет.
Они ещё не подожгли весь свет –
По недоразумению, не боле.

Так объяснил бы кто-нибудь мне, что ли,
Престранного явления секрет.
- Я сам в него бы не поверил, нет,
Но вынуждает опыт поневоле –

Пожаром Ваших глаз воспламеняясь,
Едва лишь Вас издалека замечу,
Охваченный огнём спешу навстречу...

Когда же наконец я подле Вас,
То стыну вдруг и не владею речью
Под ледяным свеченьем Ваших глаз.

Гарсио де ла Вега

Гляжу на Дафну я оторопело:
Извивы веток вижу вместо рук,
Корона золоченных прядей вдруг
Зелёной кроной лавра зазвенела.

Вот облекла трепещущее тело
Кора чугунной чешуёй вокруг,
А нежная ступня, вращая в луг,
Корявым корнем стать уже успела.

Виновник же всего вотще хотел
Помочь беде слезами, лишь ускоряя
Пролитой влагой рост густой листвы.

О жалкая судьба! О злой удел!
Увы, чем горше плачем мы о горе,
Тем глубже в нас вращается боль, увы!

Лопе де Вега

Сорочку изумрудную невинно
Снимаешь ты, переменив наряд
О роза, цвет александрийских гряд,
Избранница восточного кармина!

То кровь коралла, то огонь рубина,
То искры пурпура в тебе горят!
Неравных пять лучей твой трон творят
Невечный, огненная сердцевина!

Благословил творец, в тебя влюбленный,
Но, глядя на пунцовые одежды,
Мы думаем о перемене дней.

Как тратит ветер возраст твой зелёный!
Как ненадёжны ветхие одежды,
Чья участь – опуститься до корней!

Лопе де Вега

Я говорю, как прежде говорил,
Что дружба – лучший дар для человека;
Но нет испанца, римлянина, грека,
Кто знал бы совершенной дружбы пыл.

Блажен, кто этот перл в себе открыл,
Кому дала небесная опека
Дар дружбы, нам неведомый от века. –
Когда бы я таким счастливецем был!

О друге печься, другом величаться –
Вот благо! С другом солнце и ненастье
Делить, всю душу другу доверять –

Не дай нам Бог вовеки повстречаться!
Уж лучше никогда не видеть счастья,
Чем жить под страхом друга потерять.

Лопе де Вега

Любовь

Упасть без чувств, очнуться исступлённым,
И щедрым и скупым, покорным, властным,
Живым и мёртвым, кротким и опасным,
Предателем – и верным, непреклонным.

Не знать покоя, с милой разделённым,
Стать яростным, счастливым и несчастным,
Непостоянным, стойким, хладным, страстным,
Пресыщенным, несатым, уязвлённым,

Отраву звать божественным напитком,
Забуть о пользе, гнаться за убытком,
Поверить в то, что раем ад бывает,

Закрыть глаза на ложь, на заблужденье,
Вложить всю жизнь, всю душу в наслажденье –
И есть любовь: кто сам любил, тот знает.

Диего Веласкес.
Инфанта Анна Мария

Лопе де Вега

Вавилон

**Мой Вавилон, где я увидел свет,
Чтоб стать навеки притчей во языцах!
Своих и пришлых ты укрыл в гробницах,
Гнездо моё, приют в годину бед!**

**Тюрьма уму и сердцу с давних лет,
Ты – школа зла, ты – представленье в лицах;
Вся спесь твоя – в разряженных тупицах,
Элизий, где живому места нет!**

**Оплот невежества, вражды кипенье,
Притон, где языки – страшней клинка.
Нет – еду прочь, и Турия-река**

**Да смоет эту грязь без промедленья!
Я видел ум в шутах у дурака,
И гнев спалил моё долготерпенье.**

Лопе де Вега

Ну, Виоланта! Задала урок!
Не сочинил я сроду не куплета,
А ей – изволь сонет. Сонет же – это
Геенна из четырнадцати строк.

А, впрочем, я четыре перевозмог,
Хоть и не мыслил о судьбе поэта...
Что ж, если доберусь я до терцета,
Катрены не страшны мне, видит Бог.

Вот я трёхстишья отворяю дверь...
Вошёл. И не споткнулся, право слово!
Один терцет кончаю. А теперь,

С двенадцатым стихом – черёд второго...
Считайте строчки! Нет ли где потерь?
Четырнадцать всего? Аминь! Готово!

Лопе де Вега

К ночи

О, сумасбродка ночь, гнездо обмана,
Ты – пряха снов, ткачиха наваждений,
В край зыбких гор, безвольных наводнений
Ты нас ведёшь сквозь облака дурмана.

Твой дом – в мозгу безумца, шарлатана,
Ты – мать письмен, волшбы, изобретений,
Слепая рысь, пестунья преступлений,
Ты начеку и в страхе непрестанно.

Тьма, ужасы и зло в твоей отчизне;
Ты – сказочница, знахарка, больная,
Ты – жертва и палач: вот суть твоя.

Сплю иль не сплю, плачу тебе полжизни:
Днём усыпишь, коль ночь провёл без сна я;
Когда ж я сплю, не знаю – жив ли я.

Театр Лопе де Вега

Лопе де Вега

Уйти – и не уйти, бежать, остаться,
Чужую душу взять взамен своей,
Внимать Сирене, словно Одиссей,
Пут не порвать, но к ней всем сердцем рваться,

Свечой истаять, снова разгораться,
И строить на песке, и ждать вестей,
Упасть с небес в круг адовых страстей,
Не каяться и духом не смиряться,

Молиться, верить, впасть с собой в разлад,
Терпенье звать труднейшею наукой
И временную муку – вечной мукой,

Отринуть правду, пить обмана яд –
Вот что зовётся на земле разлукой:
Пожар в душе и вместо жизни – ад.

Лопе де Вега

Сонет на доuku судебных тяжб

Вам, тяжбы бью челом, покуда цел;
Темна юрис-премудрость, не взыщите!
Когда ж конец судебной волоките,
Иль ей дано бессмертие в удел?

Попрала кривда столько правых дел!
Надежды вы без жалости крушите,
И правота нуждается в защите,
Коль крюкотвор крючком тебя поддел.

О горы ябед, реки словоблудья!
Рождают вас и губят лишь чернила,
Над правом правовед творит расправу.

О дева Истина, о Правосудье!
Продажностью стяжав худую славу,
Ужели ты невинность сохранила?

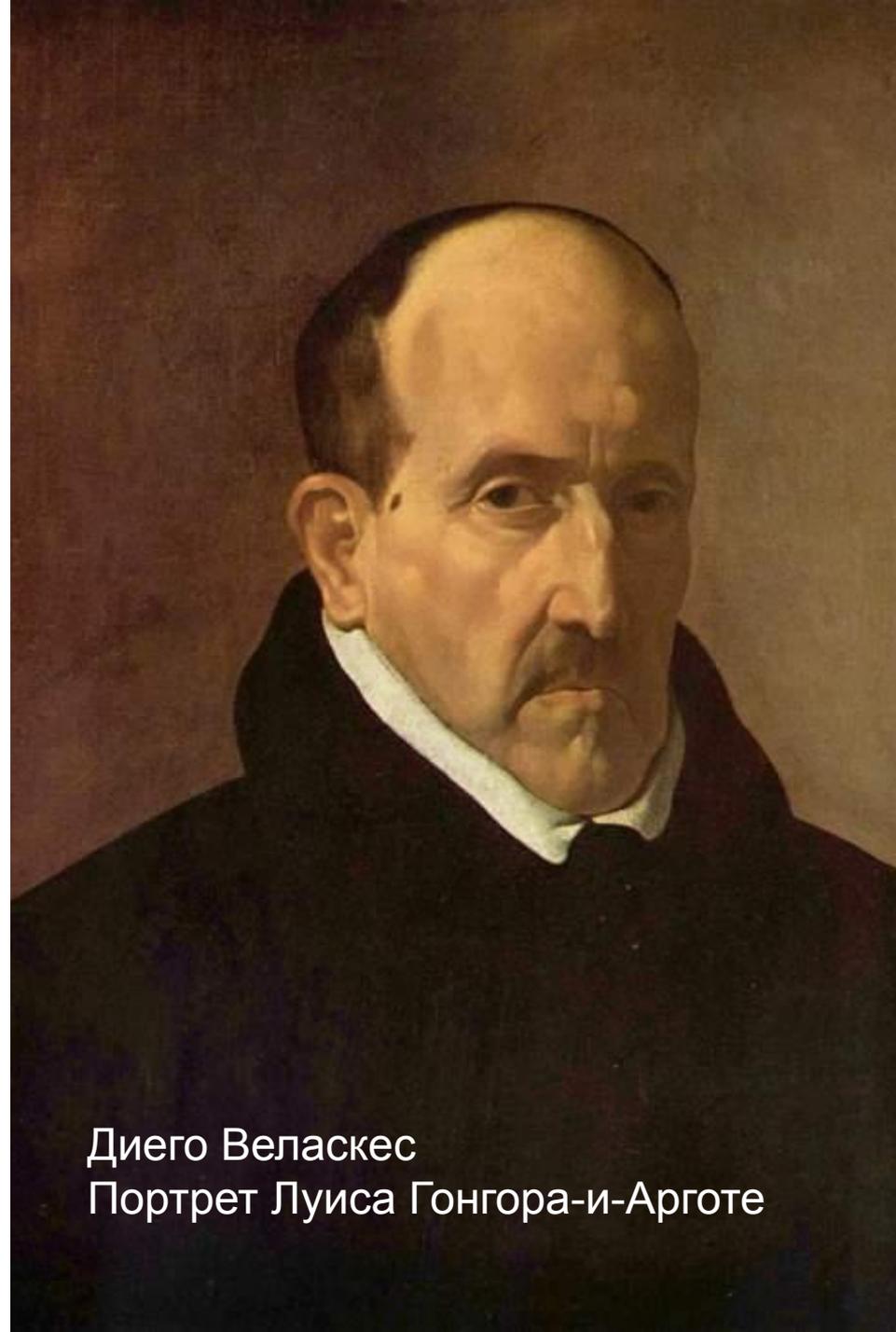
Луис де Гонгора-и-Арготе

В могилы сирые и в мавзолеи
Вникай мой взор, преодолая страх, -
Туда, где времени секирный взмах
Вмиг уравнил монарха и плебея.

Нарушь покой гробницы, не жалея
Останки, догоревшие впотьмах;
Они давно сотлели в стылый прах:
Увы! Бальзам – напрасная затея.

Обрушья в бездну, пламенем объят,
Где стонут души в адской круговерти,
Скрипят тиски и души голосят;

Проникни в пекло сквозь огонь и чад:
Лишь в смерти избавление от смерти,
И только адом истребляют ад!

Диего Веласкес
Портрет Луиса Гонгора-и-Арготе

Луис де Гонгора-и-Арготе

Желая жажду утолить, едок
Разбил кувшин, поторопясь немножко;
Сменил коня на клячу-хромоножку
Среди пути измученный ездок;

Идальго, в муках натянув сапог,
Схватил другой – и оторвал застёжку;
В расчетах хитроумных дав оплошку,
Снес короля и взял вальта игрок;

Кто прогорел, красотку убожая;
Кто сник у генуэзца в кабале;
Кто мерзнет без одежды в дождь и мрак;

Кто взял слугу – обжору и лентяя ...
Не перечеть несчастных на земле,
Но всех несчастней – заключивший брак.

Луис де Гонгора-и-Арготе

На могилу Доменико Греко

Сей дивный – из порфира – гробовой
Затвор сокрыл в суровом царстве теней
Кисть нежную от чьих прикосновений
Холст наливался силою живой.

Сколь не прославлен трубною молвой,
А всё ж достойный большей славы гений,
Чьё имя блещет с мраморных ступеней.
Почти его и путь продолжи свой.

Почиет грек. Он завещал природе –
Искусство, а искусству – труд, Ириде –
Палитру, тень – Морфею, Фебу – свет.

Сколь склеп ни мал, – рыданий многоводье
Он пьёт, даруя вечной панихиде
Куренье древа савского в ответ.

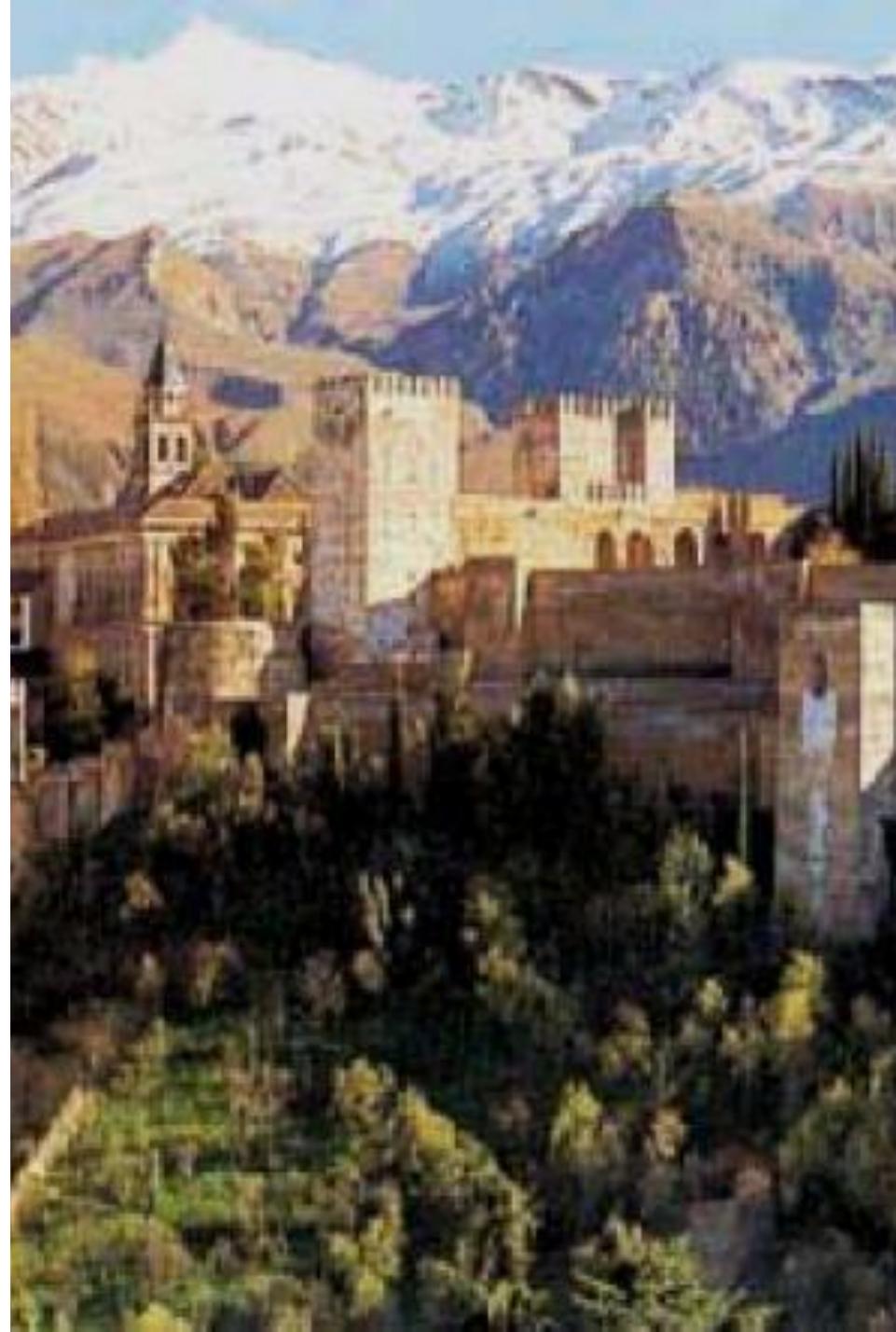
Луис де Гонгора-и-Арготе

О Кордова! Стобашенный чертог!
Тебя венчали слава и отвага.
Гвадалквивир! Серебряная влага,
Закованная в золотой песок.

О, эти нивы, изобилья рог!
О, солнце, источающее благо!
О, Родина! Твои перо и шпага
Завоевали запад и восток.

И если здесь, где средь чужого края
Течёт Хениль, руины омывая,
Хотя б на миг забыть тебя я смог,

Пусть грех мой тяжко покарает рок:
Пускай вовеки не узрю тебя я,
Испании торжественный цветок!

Фернандо де Эррера
(перевод Павла Грушко)
Севилье

Счастливая царица океана,
Тобой трикрат Испания славна,
Твой ум и благородство чтит она,
Ей польза щедрая твоя желанна.

Жемчужина Европы без изъяна,
Нет не с землёй сравниться ты должна, -
Твоих богатств ей не вместить сполна, -
А с небом, да, божественная манна.

Достаток твой и власть увидев, гость
Глазам не верит и на то гневится,
Что о тебе молва ещё мала.

Не город, – мир! В тебе всё то сошлось,
Что есть в других: Испании частица, –
Ты целое собою превзошла.

Фернандо де Эррера
(перевод Владимира Резниченко)

СЕВИЛЬЯ

О город, чьи отвага, ум и честь –
Испанского могущества основа,
Царица океана мирового,
Ты – лучшее, что у испанцев есть!

Разносится по всей Европе весть
О красоте земли твоей. Но слово
«земля» для края подойдет любого,
А ты... ты - небо, чьих чудес не счесть.

Не увидав, нельзя себе представить
Таких богатств, такого изобилья,
А те, кто видел их, потрясены.

Ты целый мир соединить и сплавить
Смогла в себе, и пусть ты часть страны,
Ты стоишь всей Испании, Севилья!

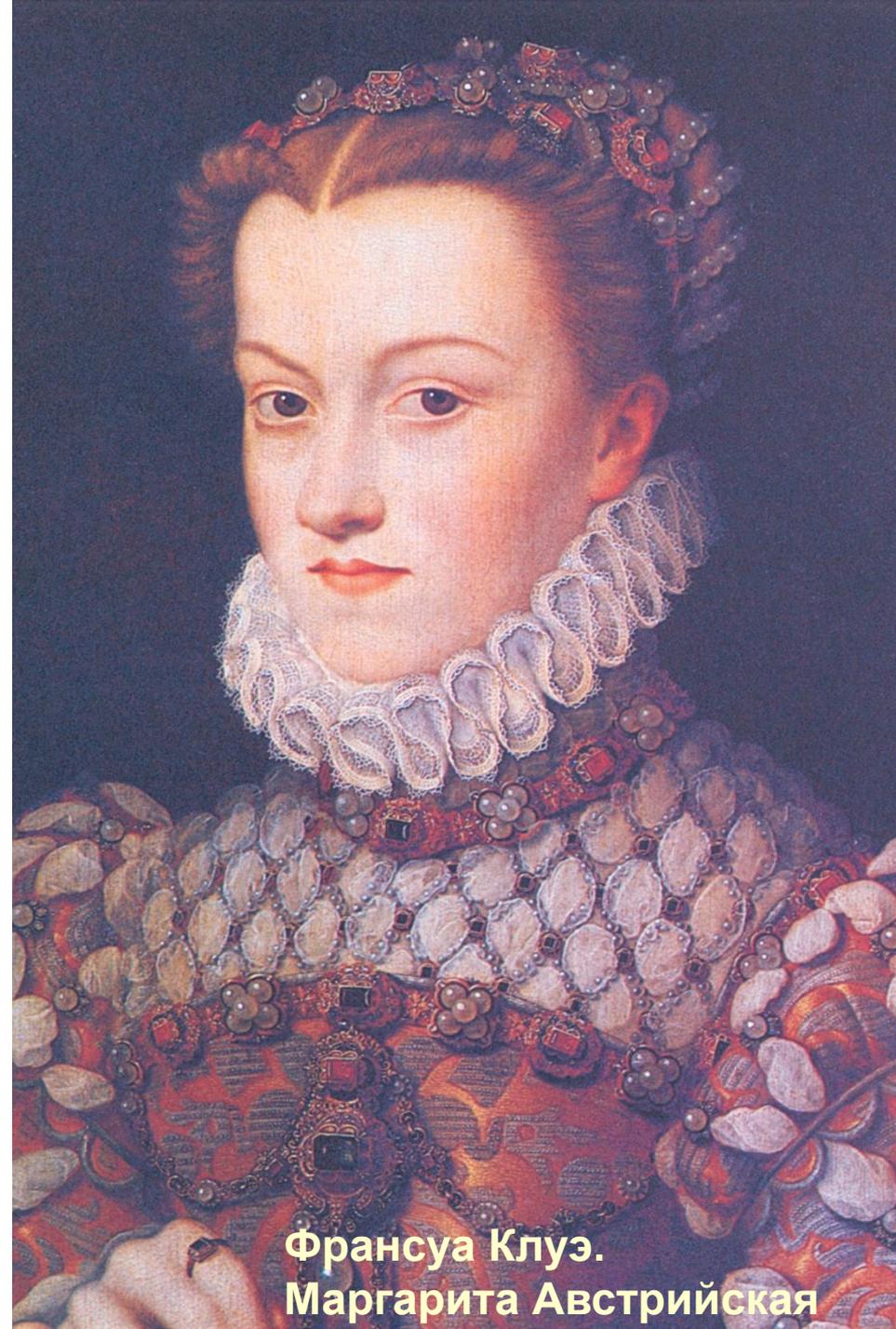
Фернандо де Эррера

О солнце, искрометное огниво,
Воспламеняющее небеса,
Скажи мне, где такая же краса,
Как Светоч мой, сияет всем на диво?

О ветер, косы треплющий игриво,
Ты, многие видавший чудеса,
Ответь, какая женская коса
Столь же светла, пушиста и красива?

О полная созвездий вышина,
О лунный диск, найти ль в безбрежной шири
Огни прекрасней этих двух огней?

О солнце, ветер, звезды и луна,
Есть ли Светило холоднее в мире
И есть ли боль мучительней моей?

Франсуа Клуэ.
Маргарита Австрийская

Эль Греко

Фернандо де Эррера

Как только белая фата легла
На золотые волосы Авроры,
Стал белым белый свет: белы просторы,
И солнце бело, и заря бела, -

Как белый лук и белая стрела
В руках Амура; на расправу скорый,
Он белым снегом застилает взоры,
Сжигая в белом пламени дотла.

Увы, сковал ей сердце белый иней;
Что ни придумывай, чего ни делай,
Мой жар бессилен перед белизной.

Жизнь стала белой мертвенной пустыней,
Где в блеске красоты обледенелой
Всевластен холод и немислим зной.

Франциско де Кеведо

Предостережение Испании

Гот, житель горных ущелий, сумел
Объединить вместе графства Кастилий;
К быстрому Бетису, к водам Хениля
Вышли наследники доблестных дел.

Ты получила Наварру в удел;
Брак с Арагоном (брак равных по силе)
Дал тебе земли обеих Сицилий;
Гордым Миланом твой меч овладел.

Ты Португалию дланью железной
Держишь. Приводит Колумб-мореход
Готов к пределам земли неизвестной.

Но берегись, чтоб враги в свой черёд,
Соединившись, не взяли совместно
Всё, что как дань тебе каждый даёт.

Диего Веласкес
Изабелла
Бурбонская

Франсиско де Кеведо

Франсиско де Кеведо

Продажному судье

Вникать в закон – занятие пустое,
Им торговать привык ты с давних пор;
В статьях – статьи дохода ищет взор:
Мил не Ясон тебе – руно златое.

Божественное право и людское
Толкуешь истине наперекор
И купленный выводишь приговор
Еще горячей от монет рукою.

Тебя не тронут нищета и глад;
За мзду содеешь с кодексами чудо:
Из них не правду извлечешь, а клад.

Коль ты таков, то выбрать бы не худо:
Или умой ты руки, как Пилат,
Иль удавись мощною, как Иуда.

Франсиско де Кеведо

Причины падения Римской империи

Фавор, продажная удача – боги,
Вся власть у злата, что с добром в раздоре,
Кошун и неуч – в жреческом уборе,
Безумье и стяжанье – в белой тоге;

Достойный плахи – в княжеском чертоге,
И в утеснении – людское горе,
Науки, ум – в опале и позоре,
В чести спесивец, пустозвон убогий.

Вот знаки, что согласно предвещают
Твоё падение, о Рим надменный,
И лавры, что чело твоё венчают,

Гласят о славе, но таят измены
И гром карающий не отвращают –
Зовут его на капища и стены.

Памятник Ф. де Кеведо в Мадриде

Франсиско де Кеведо

**Риму, погребённому
под своими руинами**

Ты в Рим идёшь, надеясь Рим найти, –
Нет, пилигрим, ты не найдёшь святыни:
Лишь трупы стен ты созерцаешь ныне,
Лишь прах и пепел у тебя в горсти.

Не по холмам, где жизнь бурлит, идти
Приходится – по горестной пустыне:
От гордых храмов золотой латыни
Одни обломки на твоём пути.

Но Тибр струится, город огибая,
Как встарь: и мы потоки слёз струим:
Нас бренность жизни мучит роковая.

Где вечное твоё величье, Рим?!
Всё – преходяще. Лишь волна речная
Скользит, и плеск её невозмутим.

Бартоломе Леонардо де Архенсола

Сотри румяна, Лаис, непрерывно
Их кислый запах выдает обман.
А если въелся в щеки слой румян,
Потри их мелом – и сойдут румяна.

Хотя природа и в руках тирана
И сталь кромсает сад, где сплошь бурьян,
Но разве хоть один найдешь изъян
В глухом лесу, чья прелесть первозданна?

И если Небо коже подарило
Правдивых роз румяна и белила,
Зачем же пальцем в щеки грим втирать?

Красавица моя приди же в чувство!
Для совершенной красоты – искусство
Не в том ли, чтоб искусство презирать?

Диего Веласкес Портрет инфанты

Диего Веласкес. Портрет Франциско I

Бартоломео Леонардо де Архенсола

Пускай по жилам у тебя бежит
Кровь легендарных готов, это пламя,
И золотыми римскими орлами
Ты увенчал громады пирамид.

Пускай сандал, какао и нефрит
Подносишь Марсу ты в походном храме,
И Рим запружен черными рабами,
И вся земля у ног твоих лежит,

Пускай для смертных стал ты вышним светом
И в тысячах восторженных поэм
Твоих деяний слышаться перуны,

Пускай ты правишь колесом Фортуны,
И все ж, коль добродетели при этом
Не нажито, остался ты ни с чем.

Бартоломе Леонардо де Архенсола

Так ты считаешь, Фабьо. Что узор
В ладони наши врезавшихся линий
Предскажет нам и божьи благостыни,
И божий гнев? Ну до каких же пор

Мусолить нам плебейский этот вздор,
Подобно черни хныча о судьбине, –
Пойми, в руках у нас (не в паутине
Морщин!) и слава, и позор.

Пускай ты не король, но ты как дома
И во дворце. Да при таком то счастьее
Державные нужны ли чудеса?

Ты над собой и так не знаешь власти,
И чем тебя не потчуй небеса,
Тебе как будто все уже знакомо.

Диего Веласкес.
Король Филипп IV

Бартоломе Леонардо де Архенсола

Вот, Нуньо, двух философов портреты:
Один рыдал и хохотал второй
Над бренною житейскою игрой,
Чьи всюду и во всем видны приметы.

Когда бы я решил искать ответы
Вдали от этой мудрости и той –
Чье мненье мне служило бы звездой?
Из двух – какая сторона монеты?

Ты, видящий повсюду только горе,
Мне говоришь, что в трагедийном хоре
Пролить слезу – утеха из утех.

Но, зная, что слезами не поможешь
Добру и зла вовек не уничтожишь, –
Я, не колеблясь, выбираю смех.

Эль Греко. Пётр и Павел

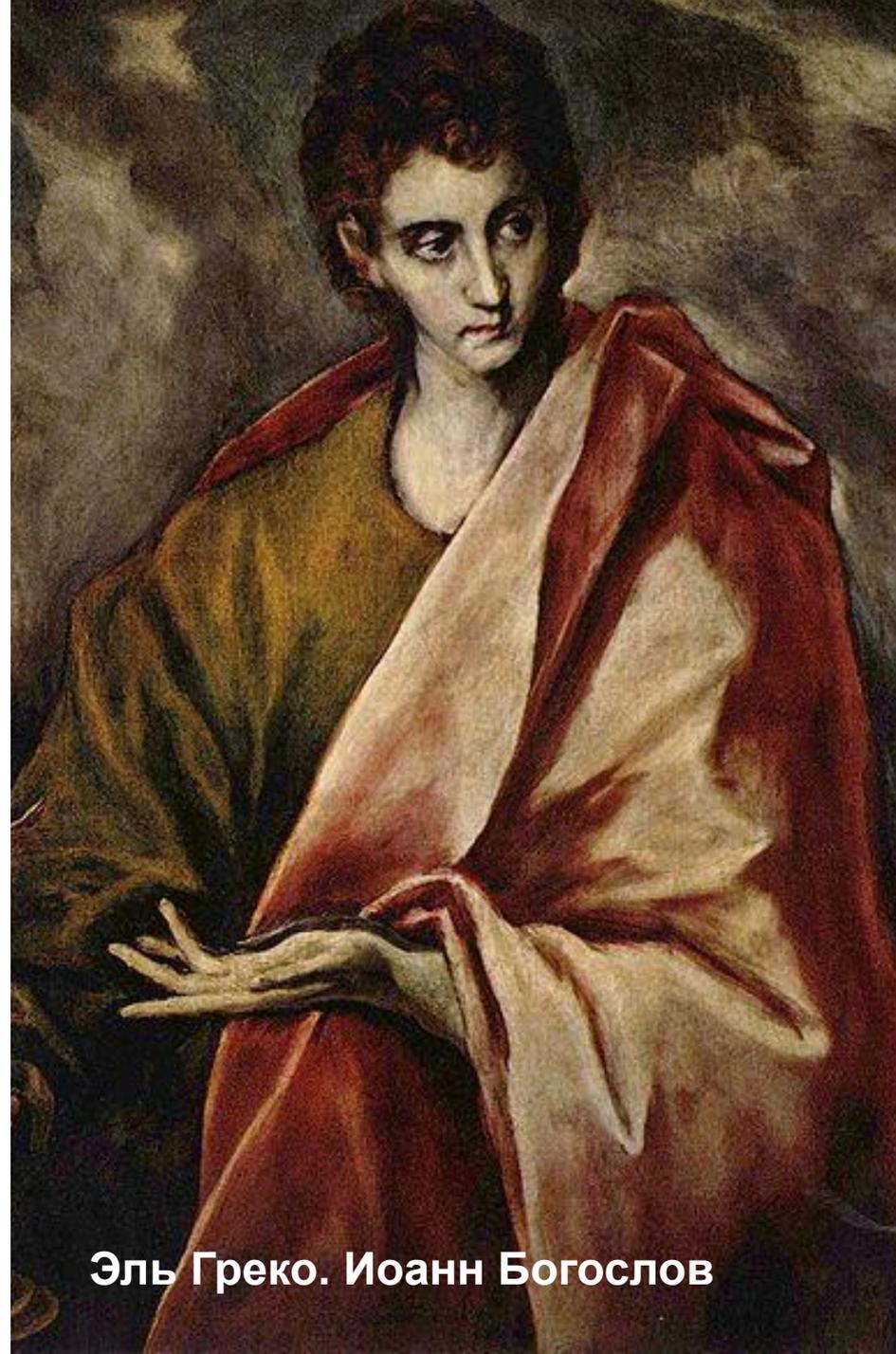
**Бартоломе Леонардо
де Архенсола**

**Рукоплесканья, Мауро, не в счёт,
Когда о славе речь; её мерило –
Та мастерством питаемая сила,
Которая к бессмертью нас влечёт.**

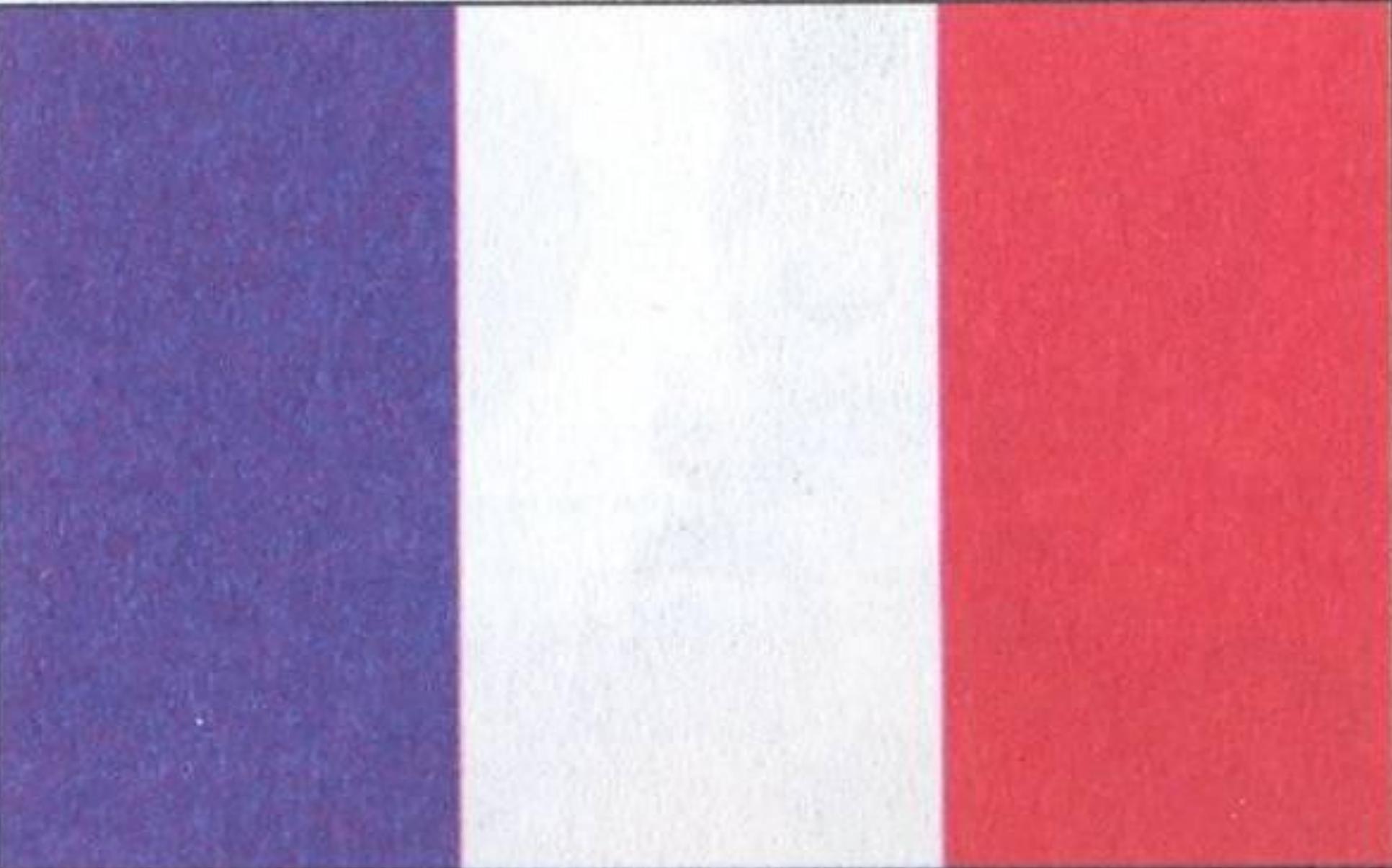
**Поверь, восторги, почести, почёт,
Пускай толпа их славой окрестила,
В действительности – хищная могила,
Где нас забвеньем рядом с смертью ждёт.**

**Всё дело в похвалах. Они преградой
Становятся на избранном пути –
Так нам ли верить суетной удаче?**

**Ведь как там дифирамбы нас ни радуй,
В себе, в себе самих и не иначе,
Величье мы способны обрести.**

Эль Греко. Иоанн Богослов

ФРАНЦИЯ

Жоашен дю Белле

Кто влюбчив, тот хвалы возлюбленным поёт;
Кто выше ставит честь, тот воспевает славу;
Кто служит королю – поёт его державу,
Монаршим милостям ведя ревнивый счет.

Кто музам отдал жизнь, тот славит их полёт;
Кто доблестен, твердит о доблестях по праву;
Кто возлюбил вино, поет вина отраву,
А кто мечтателен, тот сказки создаёт.

Кто злоречив, живет лишь клеветой да сплетней;
Кто подобрей острит, чтоб только быть заметней,
Кто смел, тот хвалится бесстрашием в бою;

Кто сам в себя влюблен, лишь о себе хлопочет;
Кто льстив, тот в ангелы любого черта прочит;
А я – я жалуюсь на злую жизнь мою.

Joachim du Bellay.

Жоашен дю Белле

Невежде проку нет в искусствах Аполлона,
Таким сокровищем скупец не дорожит,
Проныра от него подальше бежит,
Им честолюбие украсится не склонно;

Над ним смеётся тот, кто вьётся возле трона,
Солдат из рифм и строф щита не смастерит,
И знает дю Белле: не будешь ими сыт,
Поэты не в цене у власти и закона.

Вельможа от стихов не видит барыша,
За лучшие стихи не купишь ни шиша,
Поэт обычно нищ и в собственной Отчизне.

Но я не откажусь от песенной строки,
Одна поэзия спасает от тоски,
И ей обязан я шестью годами жизни.

Понтюс де Тиар

Созерцаю Луизу Лабе

Кто изваял изгиб влекущий стана
И ясный лоб – врата ума живого?
Дитя какого царского алькова
Ты, чья краса смертельна и желанна?

Сирен ли песнь звучит, полна обмана,
Что Лаэртида утратила б снова?
Чье слышу я чарующее слово?
Кому Амур дал стрелы из колчана?

Здесь в милости своей судьба сама
Явила мне и честь, и блеск ума,
И грацию в их совершенстве строгом.

Нет не избежать мне Амура власти!
Мне сердце разорвёт он на две части
И даст тебе одну любви залогом!

1 Пьер де Ронсар

Меж тем как ты живёшь на древнем Палантине
И внемлешь говору латинских вод, мой друг,
И видя лишь одно латинское вокруг,
Забыл родной язык для чопорной латыни,

Анжуйской девушке служу я в прежнем чине,
Блаженствую в кольце её прекрасных рук,
То нежно с ней бранюсь, то зацелую вдруг,
И по пословице: не мудр, но счастлив ныне,

Ты подмигнёшь Маньи, читая мой сонет:
«Ронсар ещё влюблён! Ведь это просто чудо!»
Да , мой Белле, влюблён, и счастья выше нет.

Любовь напастью звать я не могу покуда.
А если и напасть – попасть любви во власть,
Всю жизнь готов терпеть подобную напасть

2 Жоашен дю Белле

Когда родной язык сменив на чужестранный,
Заговорил я по-латыни вдруг,
Причина, мой Ронсар, не в том, что Рим вокруг,
Не в шуме древних струй, бегущих с гор Тосканы.

Но в том, что здесь я раб, немой и безымянный,
Томлюсь, как Прометей, пойми, три года мук!
Что без надежд живу, и верь, мой добрый друг,
Виной жестокий рок, увы, не взор желанный,

Но, если от тоски в какой-то тяжкий миг
Овидий перешел на варварский язык,
Чтоб быть услышанным, пускай простит мне муза

Моё предательство, – ведь у латинских рек,
Хотя б велик ты был, как Римлянин иль Грек,
Никто, Ронсар, никто не слушает француза.

Пьер де Ронсар

Ко мне, друзья мои, сегодня я пирую!
Налей нам, Коридон, кипящую струю.
Я буду чествовать красавицу мою,
Кассандру иль Мари – не всё ль равно какую?

Но девять раз, друзья, поднимем круговую, –
По буквам имени я девять кубков пью.
А ты, Белло, прославь любовь свою,
За юную Мадлен прольём струю живую.

Неси на стол цветы, что ты нарвал в саду,
Фиалки, лилии, пионы, резеду, –
Пусть каждый для себя венок душистый свяжет.

Друзья, обманем смерть и выпьем за любовь.
Быть может, завтра нам уж не собратся вновь,
Сегодня мы живём, а завтра – кто предскажет?

Пьер де Ронсар

Любя, клянун, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лёд,
Бегу назад, едва пройдя вперёд,
И наслаждаюсь мукою своею.

Одно лишь горе бережно лелею,
Спешу во тьму, как только свет блеснёт,
Насилья враг, терплю безмерный гнёт,
Гоню любовь – и сам иду за нею.

Стремлюсь туда, где больше есть преград.
Любя свободу, больше плену рад,
Окончив путь, спешу начать сначала,

Как Прометей, в страданиях жизнь влачу,
И всё же невозможного хочу, -
Такой мне Парка жребий начертала.

Пьер де Ронсар

Да женщина ли вы? Ужель вы так жестоки,
Что гоните любовь? Все радуются ей.
Взгляните вы на птиц, хотя б на голубей,
А воробьи, скворцы, а галки, а сороки?

Заря спешит вставать пораньше на востоке,
Чтобы для игр и ласк был каждый день длинней.
И повилика льнёт к орешнику нежней,
И о любви твердят леса, поля, потоки.

Пастушка песнь поёт, крутя веретено,
И тоже о любви. Пастух влюблён давно,
И он запел в ответ. Всё любит, всё смеётся,

Всё тянется к любви и жаждет ласки вновь.
Так сердце есть у вас? Неужто не сдаётся
И так упорствует и гонит прочь любовь?

Пьер Миньяр. Женский портрет

Пьер де Ронсар

Я бы хотел, блистательно желтея,
Златым дождём разлиться и сверкнуть,
Кассандре вдруг низринуться на грудь,
Когда крыла раскинет сон над нею.

Я бы хотел, быком огромным млея,
Красавицу коварно умыкнуть,
Когда её на пышный луг свернуть
Уговорят фиалки и лилеи.

Я бы хотел Нарциссом хоть на миг
В Кассандру, превращенную в родник,
Пылая от блаженства, погрузиться,

Я бы хотел, чтоб этот миг ночной
Не уходил, чтоб вечно свет дневной
Небесную не золотил границу.

Корнель де Лион.
Женский портрет

Пьер де Ронсар

(Из цикла «Любовь к Кассандре»)

**В твоих объятиях даже смерть желанна!
Что честь и слава, что мне целый свет,
Когда моим томлениям в ответ
Душа твоя заговорит нежданно.**

**Пускай в разгроме вражеского стана
Герой, что Марсу бранный дал обет,
Своею грудью, алчущей побед,
Клинков испанских ищет неустанно,**

**Но, робкому, пусть рок назначит мне
Сто лет бесславной жизни в тишине
И смерть в твоих объятиях, Кассандра,**

**И я клянусь: иль разум мой угас,
Иль этот жребий стоит даже вас,
Мощь Цезаря и слава Александра.**

**Корнель де Лион.
Женский портрет**

Пьер де Ронсар

Когда я начинал, Тиар, мне говорили,
Что человек простой меня и не поймёт,
Что слишком тёмн я. Теперь наоборот:
Я стал уж слишком прост, явившись в новом стиле.

Вот ты учён, Тиар, в бессмертье утвердили
Тебя стихи твои. А что ж мои спасёт?
Ты знаешь всё, скажи: какой придумать ход,
Чтоб наконец они всем вкусам угодили?

Когда мой стиль высок, он видишь, скучен, стар;
На низкий перейду – кричат, что груб Ронсар, -
Изменчивый Протей мне в руки не даётся.

Как заманить в капкан, в силки завлечь его?
А ты в ответ, Тиар: «Не слушай никого.
И смейся, друг, над тем, кто над тобой смеётся».

Пьер де Ронсар

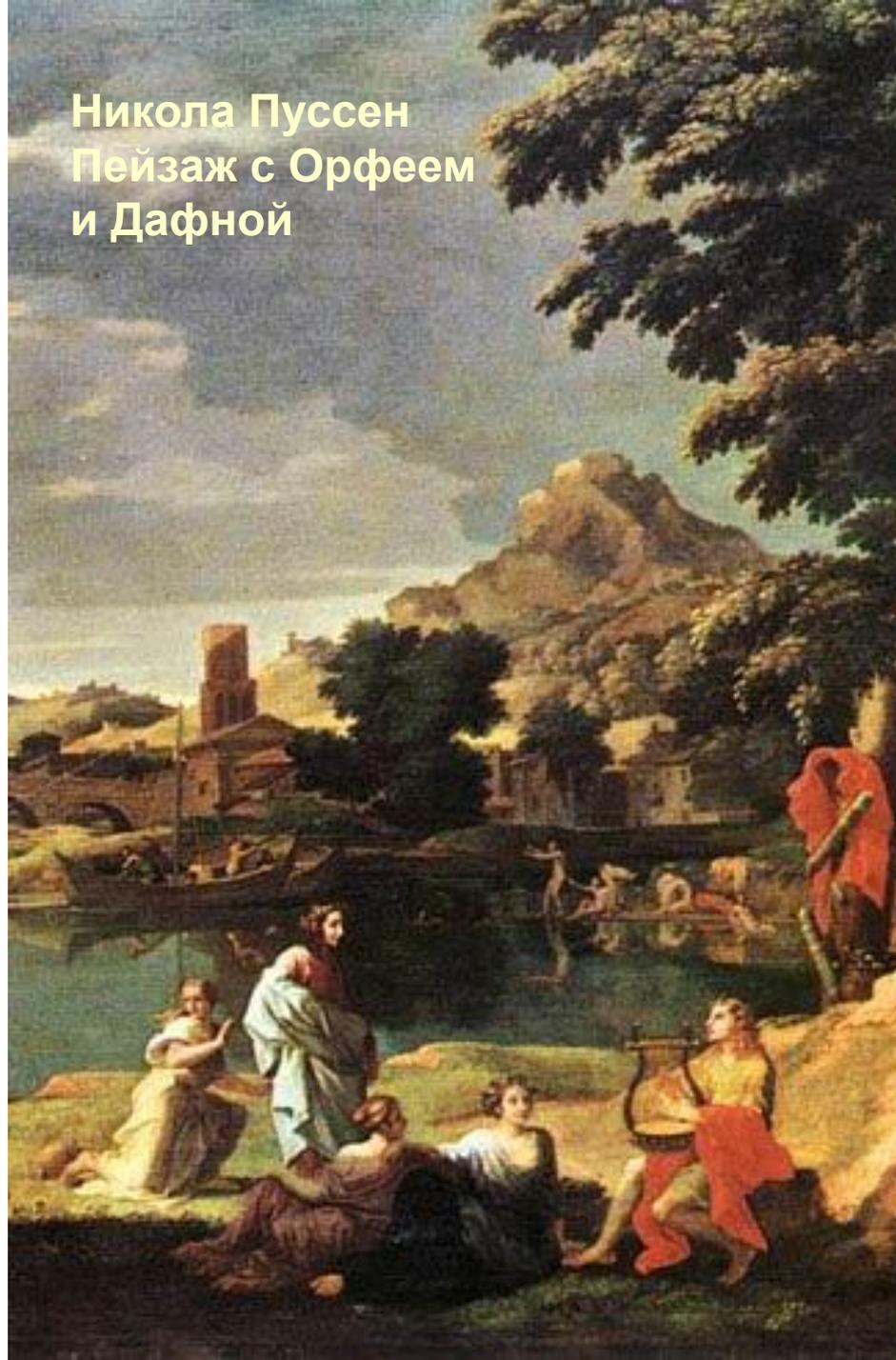
Оставь страну рабов, державу фараонов,
Приди на Иордан, на берег чистых вод,
Покинь цирцей, сирен и фавнов хоровод,
На тихий дом смени тлетворный вихрь салонов.

Собою правь сама, не знай чужих законов,
Мгновеньем насладись, – ведь молодость не ждёт!
За днём веселия печали день придёт,
И заблестит зима, твой лоб снегами тронув.

Ужель не видишь ты, как лицемерен Двор?
Он золотом одел Донос и Наговор,
Унизил Правду он и сделал Ложь великой.

На что нам лесьть вельмож и милость короля?
В страну богов и нимф – беги в леса, в поля,
Орфеем буду я, ты будешь Эвридикой.

Никола Пуссен Пейзаж с Орфеем и Дафной

Пьер де Ронсар

Когда старушкою, над прялкою склонённой,
При свете камелька взгрустнётся вам порой,
Произнеся стихи, написанные мной,
Скажите: «И меня воспел Ронсар влюблённый!»

Они разбудят слух служанки полусонной,
И с именем моим ваш облик молодой,
Сиявший некогда бессмертною красой,
Почтит она тогда хвалою восхищенной.

Я буду спать в земле и – тень среди теней –
Спокойно отдыхать от пережитых дней.
А вы на склоне лет припомните сквозь слёзы

И гордый свой отказ, и жар моей любви ...
Послушайте меня: пока огонь в крови,
Пока вы молоды, срывайте жизни розы!

Пьер Миньяр. Портрет Маргариты де Саблиер

Пьер де Ронсар

До той поры, как в мир любовь пришла
И первый свет из хаоса явила, -
Несозданны, кишели в нем светила
Без облика, без формы, без числа.

Так, праздная, темна и тяжела,
Во мне душа безлика бродила,
Но вот любовь мне сердце охватила,
Его лучами глаз твоих зажгла.

Очищенный, приблизясь к совершенству,
Дремавший дух доступен стал блаженству,
И он любви живую силу пьёт,

Он сладостным томится притяженьем,
Душа моя, узнав любви полёт,
Наполнилась и жизнью и движеньем.

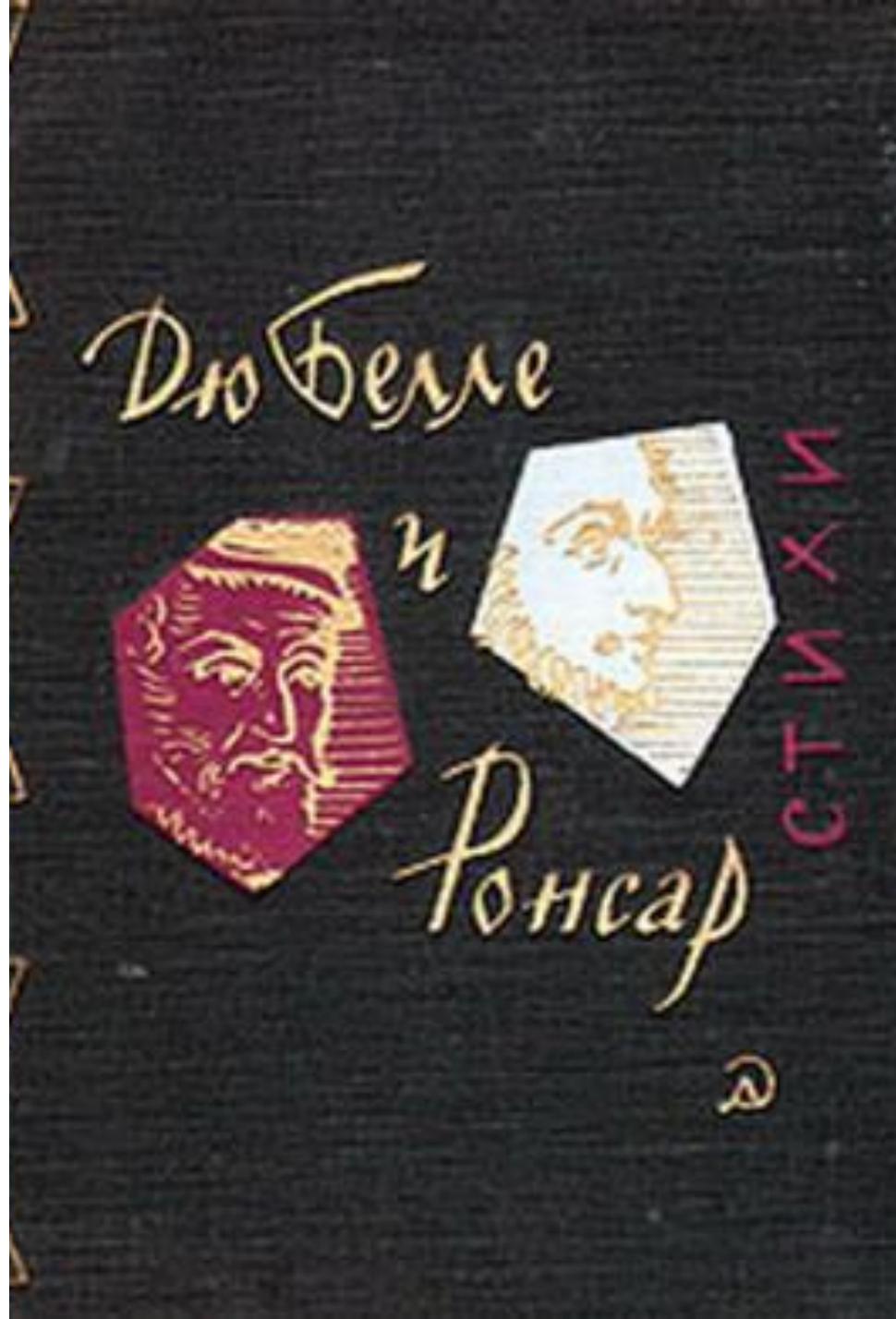
Жоашен дю Белле

Вовеки прокляты год, месяц, день и час,
Когда надеждами прельстясь неудержимо,
Решил я свой Анжу покинуть ради Рима,
И скрылась Франция от увлажненных глаз.

Недоброй птице внял – и первый в жизни раз
Отцовский дом сменил на посох пилигрима.
Не понимал, что рок и мне грозит незримо,
Когда Сатурн и Марс в союзе против нас.

Едва сомнение мой разум посещало,
Желанье чем-нибудь опять меня прельщало,
И доводы его рассеять я не смог,

Хотя почувствовал, что, видно, песня спета,
Когда при выходе – зловещая примета! –
Лодыжку повредил, споткнувшись о порог.

Жан Антуан де Баиф

Когда в давно минувшие века
Сплошным клубком лежало мирозданье,
Любовь, не ты ли первой, по преданью,
Взлетела и отторглась от клубка?

Ты принялась, искусна и ловка,
За труд размеренного созиданья,
И всем предметам ясность очертанья
Дала твоя спокойная рука.

Но если правда, что одна лишь ты
Сумела размотать клубок вражды
И если дружбу ты изобрела,

То где же доброта твоя была,
Когда в душе моей плелся клубок
Друг друга раздирающих тревог?

Пьер Миньяр. Портрет
неизвестной.

Жоашен дю Белле

Стихи мои, вы ждёте, что потомки
Читать вас будут истово подряд,
Что небеса, расщедрясь, одарят
Таким бессмертьем лиры глас негромкий?

Когда не всё крошится здесь в обломки,
Творенья духа – в книгах-то навряд,
Но в мраморе, в порфире – сохранят
Живую древность, бренности на кромке.

Не утешай, не прекращай трезвон,
О лютня, что вручил мне Аполлон, -
Коль славу вечную даруют боги,

Хвались: тобою, низкой, тот владел,
Кто первым из французов звучно пел
Мощь древнюю народа в длинной тоге.

**Никола Пуссен. Фрагмент
картины «Вдохновение
поэта»**

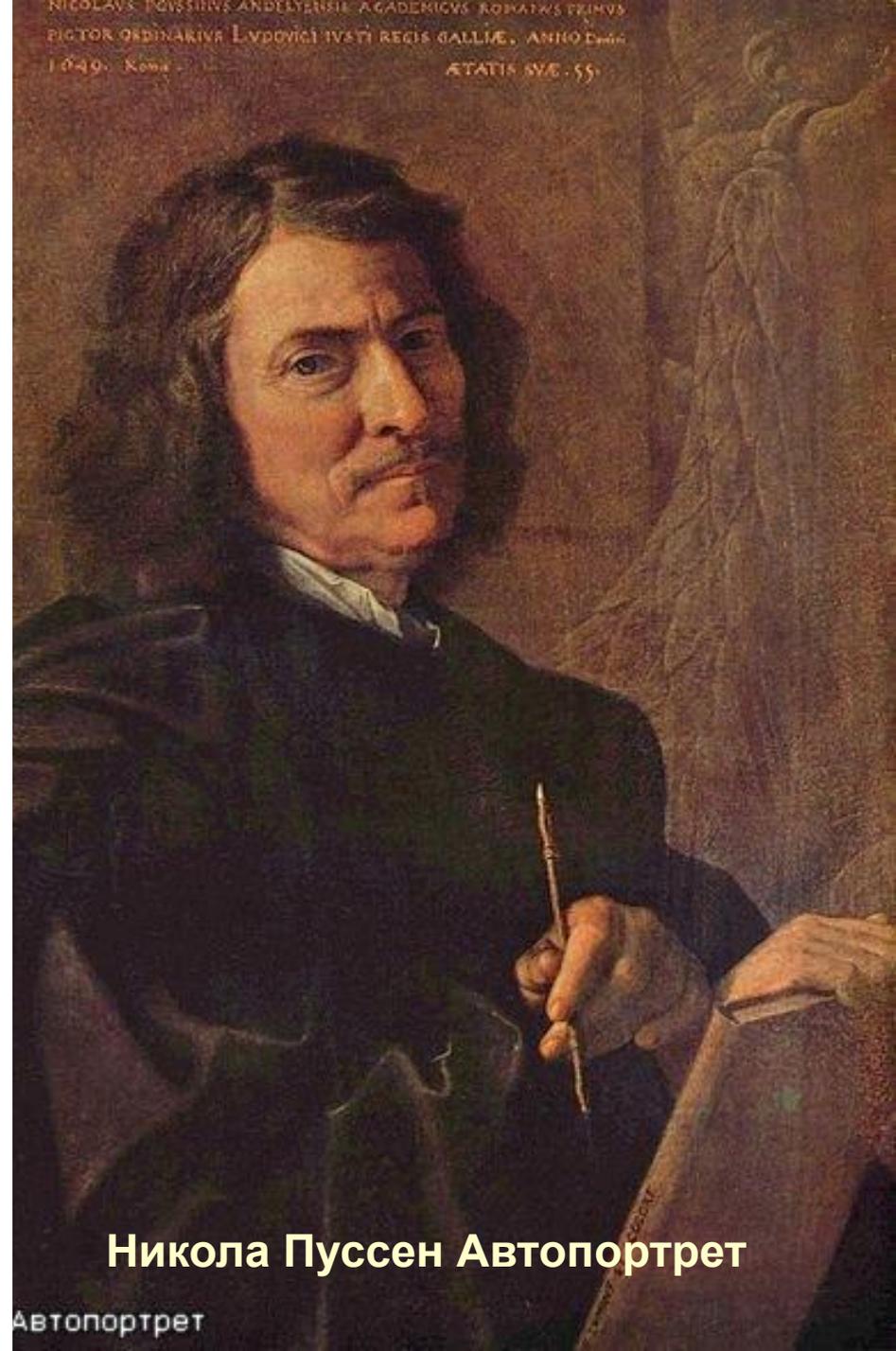
Жоашен дю Белле

Блуждать я не хочу в глубокой тьме природы,
Я не хочу искать дух тайны мировой,
Я не хочу смотреть в глубь пропасти глухой,
Ни рисовать небес сверкающие своды.

Высоких образов я не ищу для оды,
Не украшаю я картины пестротой,
Но вслед событиям обители земной
В простых словах пою и благо и невзгоды.

Печален ли, – стихам я жалуюсь своим,
Я с ними радуюсь. Вверяю тайны им,
Они наперсники сердечных сожалений.

И не хочу я их рядить иль завивать,
И не хочу я им иных имен давать,
Как просто дневников иль скромных сообщений.

Никола Пуссен Автопортрет

Жан Антуан де Баиф

Придирчивым книгочеям

Ища земных похвал, что изберу предметом?
Петь гимны Господу опасно в наши дни,
Пустым ославят, чуть о страсти намекни,
Сатиру напиши – всяк скажется задетым,

О бедах роковых запрет писать поэтам:
Вельмож замучит стыд, что тут виной они;
Что да пастушьих игр и сельской болтовни –
Сей суетный предмет давно отвергнут светом.

Комедию, увы, немислимо представить
На нашем языке. Скажите, чтоб доставить
Всем удовольствие, как дело мне начать?

Что ж, если не сдержать писательского зуда
И к неизвестному влечет тебя отсюда,
По-дружески советую: молчать.

Жоашен дю Белле

Нет, ради греков я не брошу галльских лар,
Горация своим не возглашу законом,
Не стану подражать петрарковым канцонам
И «Сожаленья» петь, как пел бы их Ронсар.

Пускай дерзают те, чей безграничен дар,
Кто с первых опытов отмечен Аполлоном.
Безвестный, я пойду путем непроторенным,
Но без глубоких тайн и без великих чар.

Я удовольствуюсь бесхитростным рассказом
О том, что говорят мне чувство или разум,
Пускай предметы есть важнее – что с того!

И лирой скромной я подражать не буду
Вам, чьи творения во всем подобны чуду
И гению дарят бессмертья торжество.

Жоашен дю Белле

Пришелец в Риме не увидит Рима,
И тщетно Рим искал бы в Риме он.
Остатки стен, порталов и колонн –
Вот всё, чем слава римская хранима.

Во прахе спесь. А время мчится мимо,
И тот, кто миру диктовал закон,
Тысячелетьям в жертву обречён,
Сам истребил себя неумолимо.

Для Рима стать гробницей мог лишь Рим.
Рим только Римом побеждён одним.
И, меж руин огромных одинок,

Лишь Тибр не молкнет. О, неверность мира!
Извечно зыбкий вечность превозмог.
Незыблемый лежит в обломках сирот.

Пьер де Ронсар

Нет, ни камешка, золотом одета,
Ни лютни звон, ни лебедя полёт,
Ни лилия, что над ручьём цветёт,
Ни прелесть роз в живом луче рассвета,

Ни ласковый зефир весны и лета,
Ни шум весла, ни пенье светлых вод,
Ни резвых нимф весёлый хоровод,
Ни роща в дни весеннего расцвета,

Ни блеск пиров, ни ярой битвы гром,
Ни тёмный лес, ни грот, покрытый мхом,
Ни горы в час вечернего молчанья,

Ни всё, что дышит и цветёт вокруг,
Ни радует души, как этот луг,
Где вянут без надежд мои желанья.

Жоашен дю Белле

Как в поле, где зерно из полной семенницы
Посеет селянин, вспахав и взбороня, -
Сперва произрастут густые зелены,
Из зеленей – стеблей высоких вереницы,

И защитинятся потом из них пшеницы
Колосья желтые, взгляд золотом маня,
Потом заблещет серп, и наконец клоня
Свой стан начнут вязать снопы жнецы и жницы.

Так римское могущество в веках росло,
Покуда, всколясь, оно не полегло
Под варварской рукой, оставив лишь руины;

И мы на них теперь свершаем свой набег,
Подобно беднякам, что средь пустой долины
Колосья подберут, упавшие с телег.

Оливье де Маньи

К королю

Нельзя один надел пахать из года в год,
Ведь нужно отдохнуть измученному полю.
Досугом одарить, удобрить землю вволю –
И урожай двойной вам поле принесет.

Сир, дальше так нельзя – пусть отдохнет народ!
Есть мера тяготам и мера своеволью.
Воспрянув, выпрямься, благословляя долю,
Он дольше выстоит под бременем работ.

Что должно кесарю, получит он по праву,
Но больше требуя, свою он губит славу.
Сир, пусть простых людей не объедает знать!

Ждет справедливости народ, короне верный,
Ему не устоять под ношей непомерной.
Сир нужно стричь людей, но шкур с них не сдирать!

Франсуа
Клуэ.
Карл IX

Оливье де Маньи

Служите верою и правдою вельможе,
Здоровья не щадя и не щадя трудов.
Служите на манер лакеев и шутов,
Кривляйтесь перед ним и лезьте вон из кожи!

Проигрывать ему всегда старайтесь тоже,
Как бы нечаянно, коль он – из игроков,
Хвалите всячески его коней и псов,
Не продавайте просьб, терпите брань, - и всё же

Напрасно будете угодничать и льстить,
Пытаясь на себя вниманье обратить.
Но если невзначай вы разобьёте вазу,

Иль слово молвите не вовремя, не так –
Всё кончено для вас: в немилости вы сразу,
И даже шутовской вас не спасёт колпак.

Жорж де Латур. Портрет мадам де Пампадур

Понтюс де Тиар

Увидев твой портрет, любой дивится
Гармонии тонов его и линий.
Так схожи ты и образ на картине,
Что перед ней немеют очевидцы.

Во мне вернее облик твой, царица,
Амур стрелой запечатлел отныне,
Но красота – жестокая святыня:
Я полюбил – и будут муки длиться.

Рукою брэнной писан твой портрет,
Он может потускнеть с теченьем лет
И потерять игру цветов живую.

Но перед памятью бессильна Лета
Не меркнет красота в глазах поэта,
Сиять ей суждено, пока живу я!

Пьер Миньяр. Портрет
Генриетты Стюарт

Понтюс де Тиар

Божественный Ронсар, пером умелым
Словам любви придать ты нежность смог.
Тебе Киприда дарит свой венок,
Переплетённый виноградом спелым.

Любезный Дю Белле, поэтам смелым
Непревзойдённым кажется твой слог.
Ты ветвь тенистую возьми в залог –
Да будет сень её твоим уделом.

Мой Дезотель, чело ты не боясь,
Десятком вечных доблестей укрась.
Вы все себя величием украсьте!

Но разве я питаю зависть к вам?
Нет-нет, за ваше счастье я не дам
Того, что мне звезда сулит на счастье.

Пьер де Ронсар

**Ты плачешь песнь моя? Таков судьбы запрет:
Кто жив напрасно ждёт похвал толпы надменной.
Пока у чёрных волн не стал я тенью пленной,
За труд мой не почтит меня бездушный свет.**

**Но кто-нибудь в веках найдёт мой тусклый след
И на Луар придёт, как пилигрим смиренный,
И не поверит он пред новой Иппокреной,
Что маленькой страной рождён такой поэт.**

**Мужайся, песнь моя! Достоинствам живого
Толпа бросает вслед язвительное слово,
Но богом, лишь умрёт, становится певец,**

**Живых нас топчет в грязь завистливая злоба,
Но добродетели, сияющей из гроба,
Сплетают правнуки без зависти венец.**

Жоашен дю Белле

О страсти я молчу, когда я не влюблён,
О красоте молчу, когда не знаю страсти,
О радости молчу, когда попал в несчастье,
О нежности молчу, когда я уязвлён.

О счастье я молчу, когда я ущемлён,
О почестях молчу, не видя их от власти,
О дружбе я молчу, заметив безучастье,
О бодрости молчу, когда я утомлён.

О короле молчу, расставшись со столицей,
О Франции молчу, когда я за границей,
О чести я молчу, её не видя здесь.

О золоте молчу, когда не вижу денег,
О доблести молчу, когда встречаю спесь,
О знании молчу, когда со мной священник.

Пьер де Ронсар

**Ответь мне злой Луар (ты должен оплатить
Признанием вины за все мои хваленья!)
Решив перевернуть мой челн среди теченья,
Ты попросту меня задумал погубить!**

**Когда бы невзначай пришлось мне посвятить
Любой из лучших рек строфу стихотворенья,
Ну разве б Нил и Ганг, – какие в том сомненья? –
Дунай иль Рейн меня хотели б утопить?**

**Но я люблю тебя, я пел тебя, коварный,
Не знал я, что вода – сосед неблагодарный,
Что так славлюбив коварный злой Луар.**

**Признайся на меня взъярился ты недаром:
Хотел ты перестать отныне быть Луаром,
Чтоб зваться впредь рекой, где утонул Ронсар.**

Пьер де Ронсар
На смерть Мари

Как роза ранняя, цветок душистый мая,
В расцвете юности и нежной красоты,
Когда встающий день омыл росой цветы,
Сверкает, небеса румянцем затмевая,

Вся прелестью дыша, вся грация живая,
Благоуханием поит она сады,
Но солнце жжет её, но дождь сечёт листы,
И клонится она, и гибнет, увядая, –

Так ты, красавица, ты, юная, цвела,
Ты небом и землёй прославлена была,
Но пресекла твой путь ревнивой Парки злоба.

И я в тоске, в слезах на смертный одр принёс
В кувшине – молока, в корзинке – свежих роз,
Чтоб розою живой ты расцвела из гроба.

АНГЛИЯ

Вильям Шекспир

Сонет 12

Когда часы мне говорят, что свет
Потонет скоро в грозной тьме ночной,
Когда фиалки вянет нежный цвет
И темный локон блещет сединой,

Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дрог
Седых снопов густая борода.

Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести,
Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.

Но если смерти серп неумолим,
Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

Вильям Шекспир

Сонет 14

Я не по звездам о судьбе гадаю,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

А если нет - под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотой.

Ганс Гольбейн
Младший Портрет
дамы с белкой

Вильям Шекспир

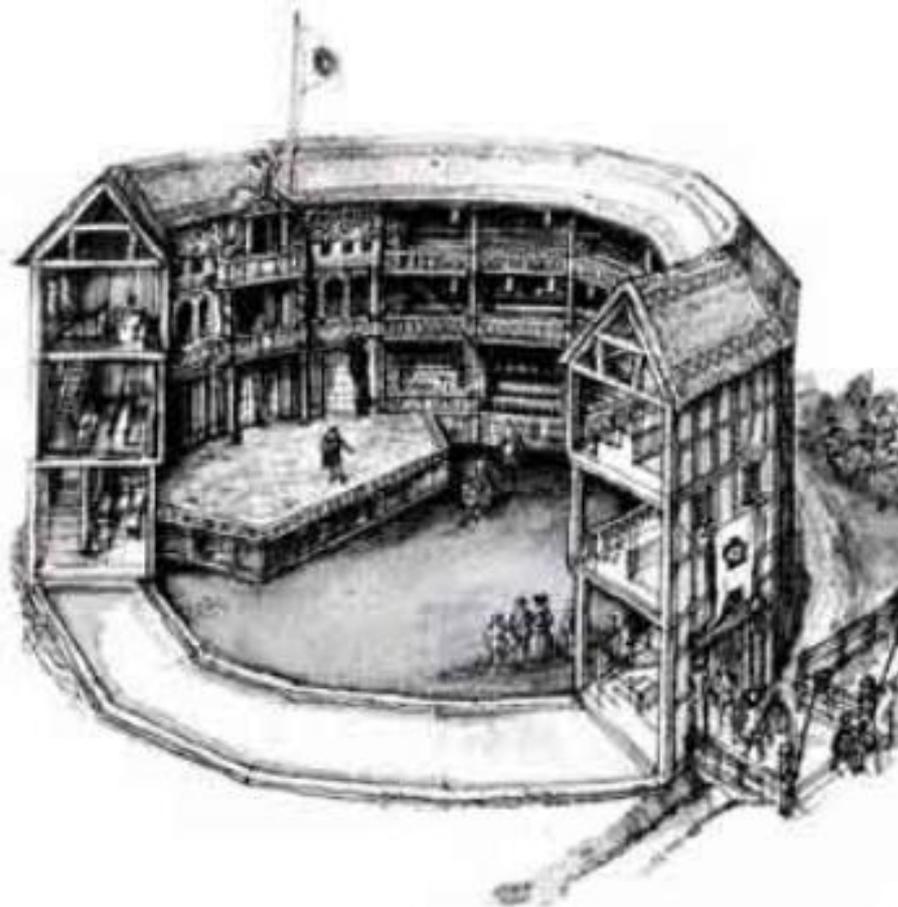
Сонет 15

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир - подмости, где картины
Сменяются под волхвованье звёзд,

Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса,

- О, как я дорожу твоей весною,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.

Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

Вильям Шекспир

Сонет 21

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.

Пускай они для украшения строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове - правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою,
- Я никому ее не продаю!

**Ганс Гольбейн Младший
Портрет неизвестной.**

Вильям Шекспир

Сонет 25

Кто под звездой счастливою рожден –
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь - источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел - опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

Ганс Гольбейн Младший. Портрет
Томаса Говарда герцога Норфолкского

Вильям Шекспир

Сонет 29

Когда в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, -

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

**Портрет королевы Елизаветы.
Неизвестного художника**

Вильям Шекспир

Сонет 56

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.

Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.

Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!

Ганс Гольбейн Младший. Портрет
Анны Клевской

Вильям Шекспир

Сонет 61

Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не дает закрыться?

Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью,
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока
Ты - от меня вдали - к другим близка.

Вильям Шекспир

Сонет 65

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя - беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?

О горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

Портрет
Анны
Болейн

Вильям Шекспир

Сонет 74

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест –
Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Все, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах, -
Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный,

Ей - черепки разбитого ковша,
Тебе - мое вино, моя душа.

Могила Вильяма Шекспира

Вильям Шекспир

Сонет 76

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен нежданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова.
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной!

Вильям Шекспир

Сонет 88

Когда захочешь, охладев ко мне,
Предать меня насмешке и презрению,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.

Отлично зная каждый свой порок,
Я рассказать могу такую повесть,
Что навсегда сниму с тебя упрек,
Запятнанную оправдаю совесть.

И буду благодарен я судьбе:
Пускай в борьбе терплю я неудачу,
Но честь победы приношу тебе
И дважды обретаю все, что трачу.

Готов я жертвой быть неправоты,
Чтоб только правой оказалась ты.

Вильям Шекспир

Сонет 90

Уж если ты разлюбишь, - так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утро – утром без отрады.

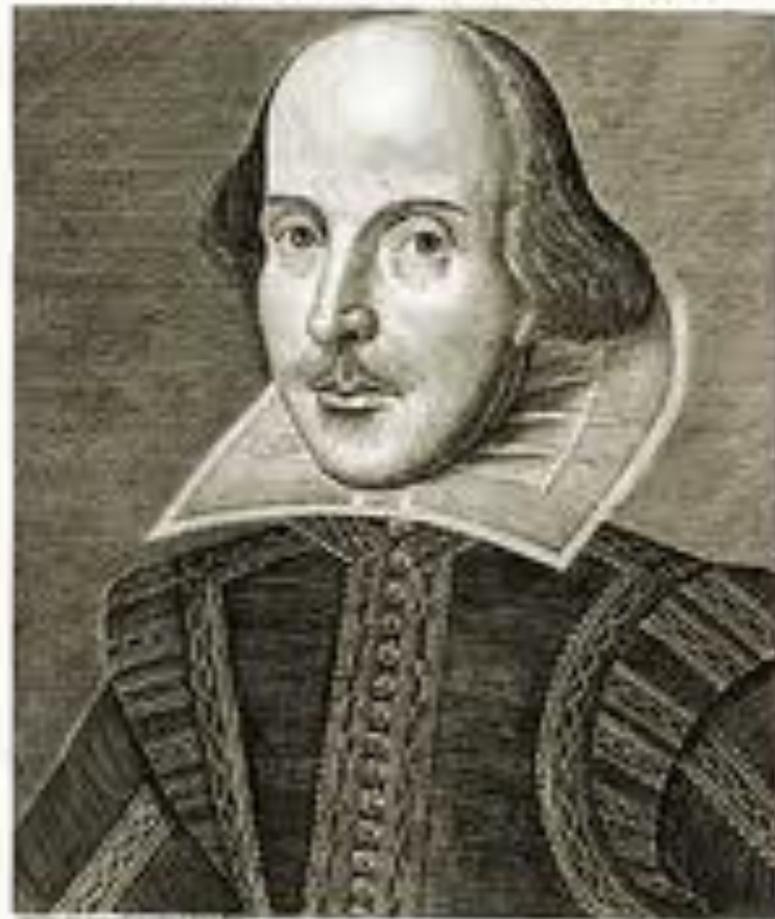
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,

Что это горе всех невзгод больше.
Что нет невзгод, а есть одна беда –
Твоей любви лишиться навсегда.

Mr. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES,

Printed according to the True Originall Copies

LONDON

Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623

Вильям Шекспир

Сонет 91

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья,
Но каждому милей всего одно.
А у меня особенное счастье, -
В нем остальное все заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь все отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

Вильям Шекспир Сонет 104

Ты не меняешься с течением лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет...
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз,

Так на тебе я лет не замечаю.
И если уж закат необходим, -
Он был перед рождением твоим!

Памятник В. Шекспиру в Нью-Йорке

Вильям Шекспир

Сонет 116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь – над бурей поднятый маяк,
Немеркнущий во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих, -
То нет любви и нет стихов моих!

Филипп Сидни сонет 15 «Из цикла Астрофил и Стелла»

О ты, лелеющий любой ручей,
Любой родник парнасской древней кручи,
Любой цветок, невзрачный и колючий,
Суешь в свою строку, любой репей.

По способу ученых рифмачей
Ведешь ты строй грохочущих созвучий
И мертвого Петрарки стон певучий
Мешаешь с бесконечностью речей.

Ступив на этот путь, свершаешь промах,
Раскаешься в украденных приемах,
В них чувства нет, в них нет живой души.

Но если ты творишь не для забавы,
Но если хочешь стать питомцем Славы,
Взгляни на Стеллу, а потом пиши.

Филипп Сидни сонет 21 «Из цикла Астрофил и Стелла»

Ты говоришь, насмешливый приятель,
Что загнала меня Любовь в капкан
И что в моих стихах царит обман,
И что мой разум - суетный мечтатель.

Пускай я невнимательный читатель
Платона, - право, не один туман
Юнцу лихому от рожденья дан,
Хотя порой надежда - подстрекатель.

Безумный март мне не сулил беды,
Но я предстал в упадке перед маем.
Чем встречу я часы моей страды?

Ты, верно, скажешь: разум твой вскопаем
Лопатой знаний. Друг мой, возвести,
Что в мире сможет Стеллу превзойти?

**Ганс Гольбейн
Младший. Портрет
Томаса Мора**

Филипп Сидни сонет 6 «Из цикла Астрофил и Стелла»

В беседах с музами влюбленные твердят
О зыбкости надежд, о страхах постоянных,
О том, что райский свет мучительней, чем ад
О бурях, о кострах, о гибели, о ранах.

Поют Юпитера в его обличьях странных:
То лебедь он, то бык, то ливень-златопад.
Порой рядится принц в пастушеский наряд,
Свирелью тешится в лесах и на полянах.

Иной в своих стихах на жалобы не скуп,
И вздохами слова с его слетают губ,
И слезы льет перо, и лист бледнеет белый.

Я тоже так бы мог, как эти господа,
Но вся душа моя распахнута, когда
Дрожащим голосом я молвлю имя Стеллы.

Филипп Сидни сонет 23
«Из цикла Астрофил и Стелла»

Заметив мой угрюмо сжатый рот
И мой тоскливый неподвижный взгляд,
Досужий свет гадает невпопад,
Никак причин печали не найдет.

Один готов побиться об заклад,
Что это все - познаний горький плод,
"Он к Принцу вхож, - иные говорят, -
И полон государственных забот".

А самый строгий Приговор таков:
"Тщеславен! В гору лезет! Но почет
В златую западню его влечет!"
Эх, умники! Эх, скопище глупцов!

Стремлюсь душой и днем, и по ночам
Лишь к сердцу Стеллы и к ее очам.

Ганс Гольбейн Младший.
Портрет Генриха VIII

Филипп Сидни сонет 25 «Из цикла Астрофил и Стелла»

Сказал мудрец, успевший в изученье
Того, кто мудрым заменил отца,
Что Добродетели предназначенье -
Представ очам, вселять Любовь в сердца;

Но эта истина для нас мученье:
Лишь чувству доверяя до конца,
Не в силах мы увидеть то свеченье,
Что в занебесье манит мудреца.

И вот тогда, к себе любви взыскаю,
В обличье Стеллы Добродетель нам
Во всей красе является, ликуя.
Не верить не могу своим глазам:

Я вижу Стеллу, страсть моя - свидетель
В том, что нашла свой образ Добродетель.

Ганс Гольбейн
Младший.
Портрет Эразма
Роттердамского

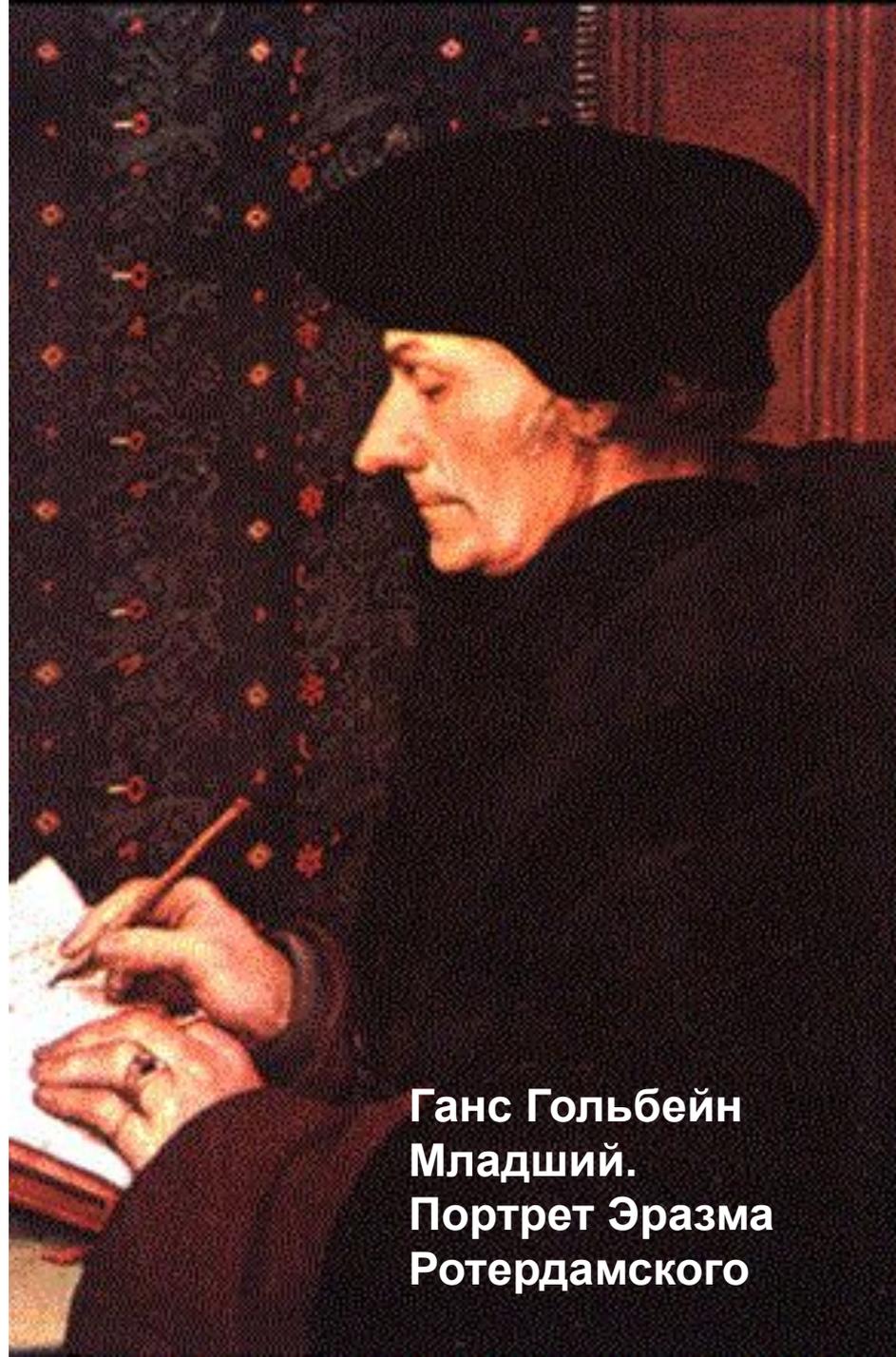
Филипп Сидни сонет 27
«Из цикла Астрофил и Стелла»

Я, погруженный мыслями во тьму,
Угрюмцем на веселии сижу
И нужных слов в ответ не нахожу
Тому, кто чтит не мысль, а речь саму,

И с уст слетают слухи посему -
Мол, яд гордыни я в душе держу
И потому знакомства не пложу,
Что льщу себе, а боле никому.

Но не гордыня мною завладела -
Душа глядит в нелживое зеркало;
В грехе тщеславья признаюсь я смело,
Что обойти друзей мне приказало,

Незримая, - но тяга ввысь склонила
Мой дух любимой посвятить все силы.

**Ганс Гольбейн
Младший.
Портрет Эразма
Роттердамского**

Филипп Сидни сонет 28
«Из цикла Астрофил и Стелла»

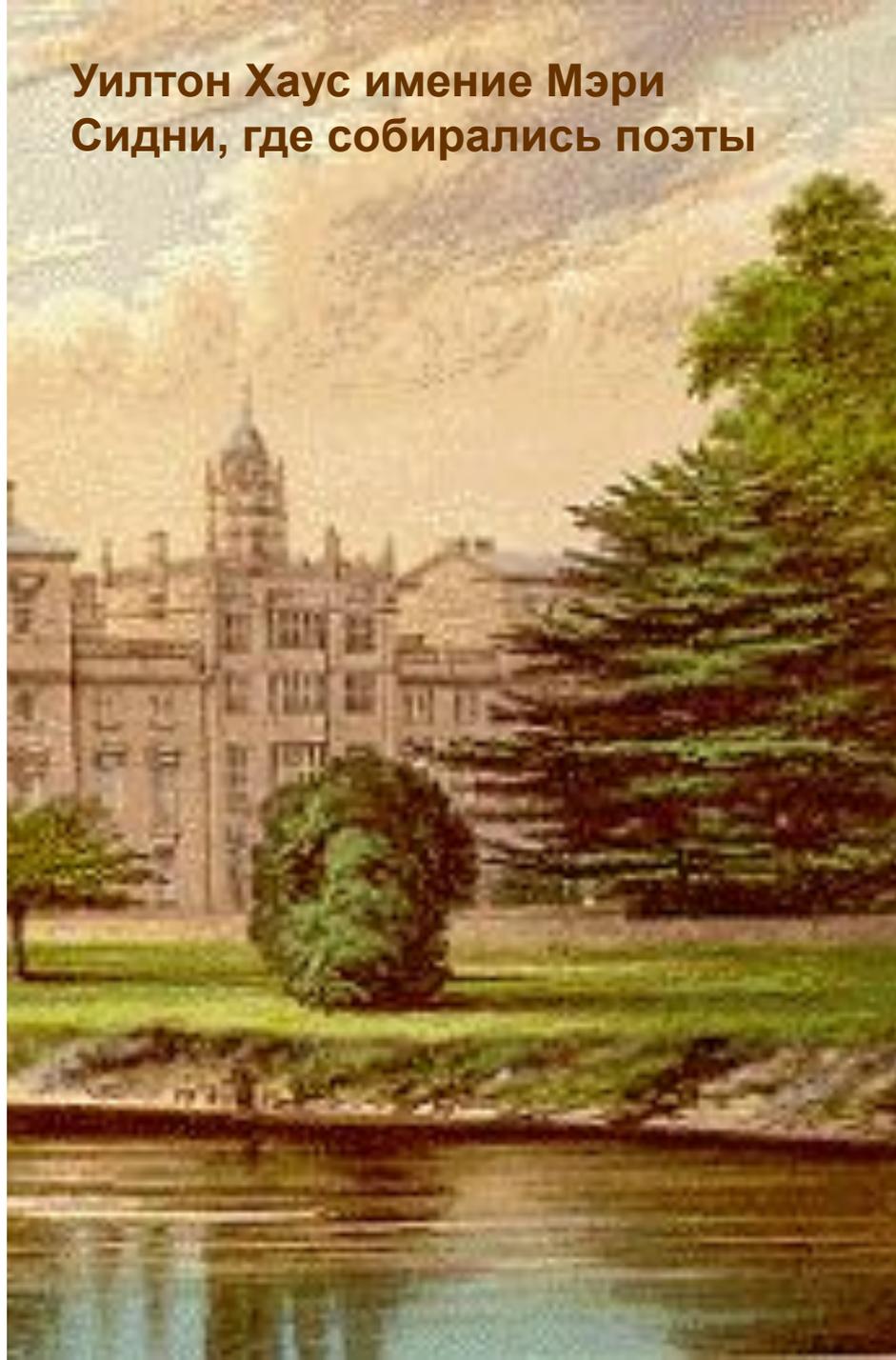
О вы, поклонники молвы лукавой,
Ославлен вами мудрый и святой,
Но для меня все толки - звук пустой,
Я не из тех, кто гонится за славой.

Прославить Стеллу я не счел забавой,
Любовь я пел, пленённый красотой,
И мне совсем не кажется уздой
То, что клеймит ваш свет, ваш Разум здравый.

Я темы не прошу, моя строка
Не требует премудрости извечной,
Порукою тому моя рука,

Ведь я же в простоте чистосердечной
Дышу огнем, пылающим в крови,
И все мое уменье - дар любви.

**Уилтон Хаус имение Мэри
Сидни, где собирались поэты**

Филипп Сидни сонет 31 «Из цикла Астрофил и Стелла»

О Месяц, как бесшумен твой восход!
Как бледен лик твой, как печален он!
Иль даже там, где ясен небосклон,
Упорный лучник стрел не уберет?

В Любви немало ведал я невзгод,
И видно мне, что ты, как я, влюблен;
Твой облик - скорби полон, изможден -
Твое родство со мною выдает.

Товарищ по несчастью, молви мне:
Ужели верная Любовь глупа,
Ужели даже в горней вышине

Красавиц горделивая толпа
Любимой любит быть и мучит всех,
А Добродетель вызывает смех?

Ганс Гольбейн
Младший. Портрет
Джейн Сеймур

**Филипп Сидни сонет 36
«Из цикла Астрофил и Стелла»**

Зачем ты, Стелла, и на этот раз
Штурмуешь замок сердца покоренный,
Куда уже давно сквозь бреши глаз
Твоих волшебных чар вошли колонны?

Давно Амур исполнил твой приказ,
И стяг твой осеняет бастионы.
Зачем впустую тратишь сил запас,
Громя в бою свои же легионы?

Такая нежность в голосе твоём
И в нежности его такая сила,
И столь она безмерна, что ничком
У ног твоих душа моя застыла.

Да что душа! Булыжник неживой,
Бездушный пень - и тот пленен тобой.

**Ганс Гольбейн
Младший. Портрет
неизвестной**

Филипп Сидни сонет 54
«Из цикла Астрофил и Стелла»

Я не кричу о страсти всем вокруг,
Цветов любимой нет в моем наряде,
С собою не ношу заветной пряди,
Не плачу, не заламываю рук,

И нимфы, почитательницы мук,
Привычные к возвышенной тираде,
Твердят: "О нет! Оставьте бога ради!
Ему влюбляться? Что вы! Недосуг!"

Бог с ними. В мой тайник войти лишь Стелле.
Искусство Купидона не по мне.
И вы поймете, девы, что на деле
Таит влюблённый чувства в глубине,

Себя страшится выдать ненароком.
Безмолвен лебедь не в пример сорокам.

**Ганс Гольбейн
Младший Женский
портрет**

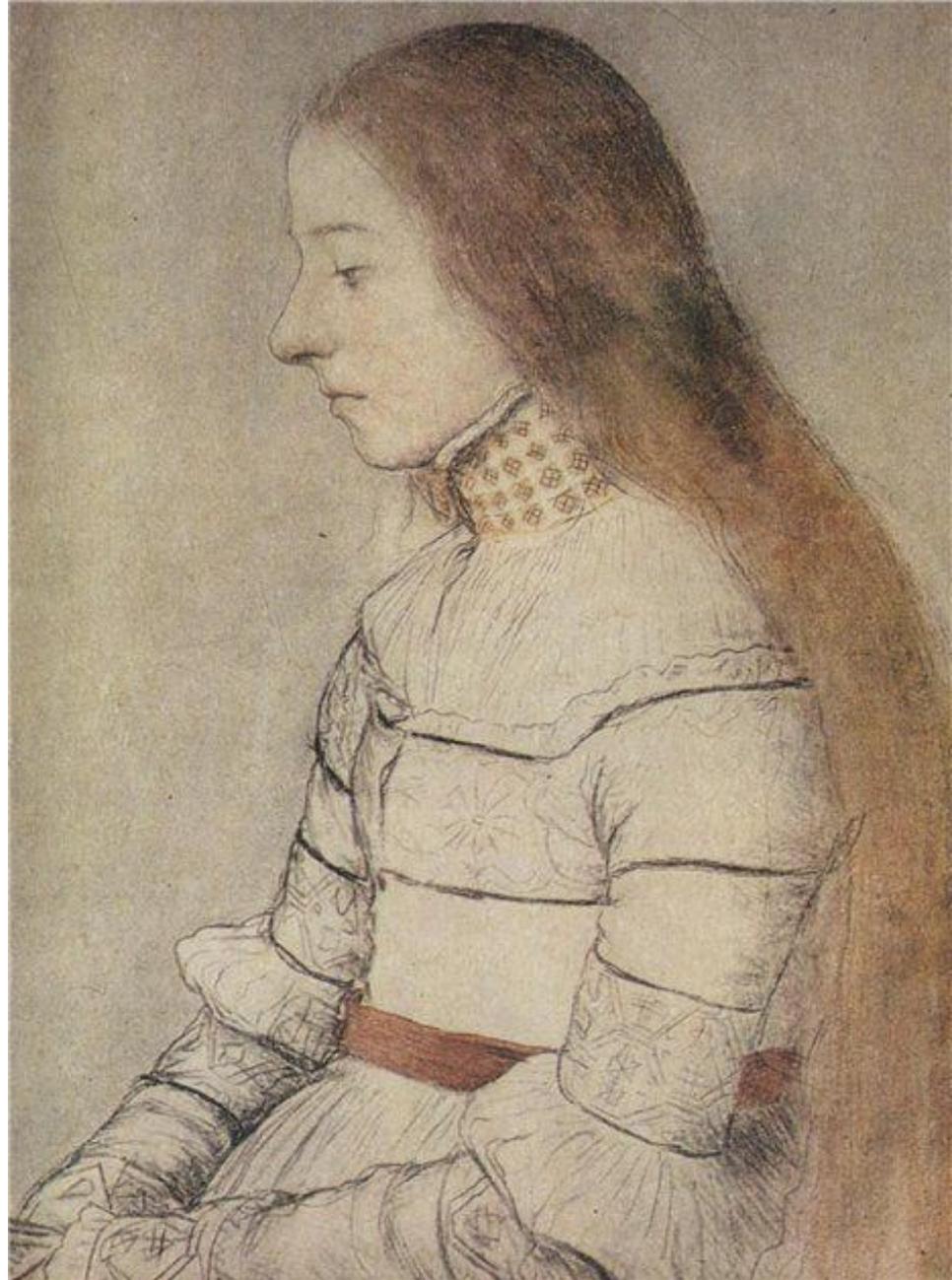
**Филипп Сидни сонет 55
«Из цикла Астрофил и Стелла»**

**О Музы, к вам взывал я столько раз,
Молил вас расцветить мой жалкий слог,
Чтоб наготу свою прикрыть он мог,
Снискать признание с помощью прикрас.**

**Я вдохновения искал у вас,
Из грустных слов вязал цепочки строк,
Вы мне старались преподать урок,
И черный креп я ткал из пышных фраз.**

**Но не желаю больше сладких слов,
И ни о чем вас больше не прошу,
Одно лишь имя я твердить готов,
Когда его я вслух произношу,**

**Оно, как музыка, владеет мной,
И мне не надо музыки иной.**

Ганс Гольбейн Младший. Портрет неизвестной

Филипп Сидни сонет 59 «Из цикла Астрофил и Стелла»

Ужели для тебя я меньше значу,
Чем твой любимый мопсик? Побожусь,
Что угодать не хуже я гожусь, -
Задай какую хочешь мне задачу.

Испробуй преданность мою собачью!
Вели мне ждать – я в камень обращаюсь,
Перчатку принести – стремглав помчусь
И душу принесу в зубах в придачу.

Увы! Мне небреженье, а ему
Ты ласки расточаешь умиленно,
Целуешь в нос!... Ты, видно по всему,

Лишь к неразумным тварям благосклонна.
Что ж – подождем, пока любовь сама
Решит вопрос, лишив меня ума!

Филипп Сидни

Портрет неизвестного художника.
XVI в.

Филипп Сидни сонет 63 «Из цикла Астрофил и Стелла»

О правила грамматики! Вдвойне
Пускай себя проявит ваша сила:
Не школяры (она им так постыла!),
Но милая ее докажет мне.

Когда недавно, с ней наедине,
Опять запретной милости просил я,
"Нет! Нет!" голубка дважды повторила,
Страшась, что не услышу я вполне...

Воспрянь же, Муза, и хвалу пропой,
Забудьте зависть, Небеса, и мой
Успех триумфом увенчайте сразу:

Поскольку знают все со школьных лет,
Что тот, кто свел в суждении два "нет",
Построил утвердительную фразу!

**Ганс Гольбейн Младший.
Портрет неизвестной**

Филипп Сидни сонет 72 «Из цикла Астрофил и Стелла»

О Страсть! подруга всех моих невзгод,
Сестра Любви моей многострадальной,
Как трудно мне признать тебя опальной!
Но предрешен печальный поворот:

Венеру велено пустить в полет
На крылышках Дианы идеальной,
И нравственностью высокоморальной
Позолотить Амура жгучий дрот.

Лишь скромность, преданность и угожденье,
При сдержанной учтивости речей,
Лесть на устах, в глазах – благоговенье
Предписаны мне Госпожой моей.

Нет в эти рамки Страсти не вместиться,
Я должен гнать тебя, - но как решиться?

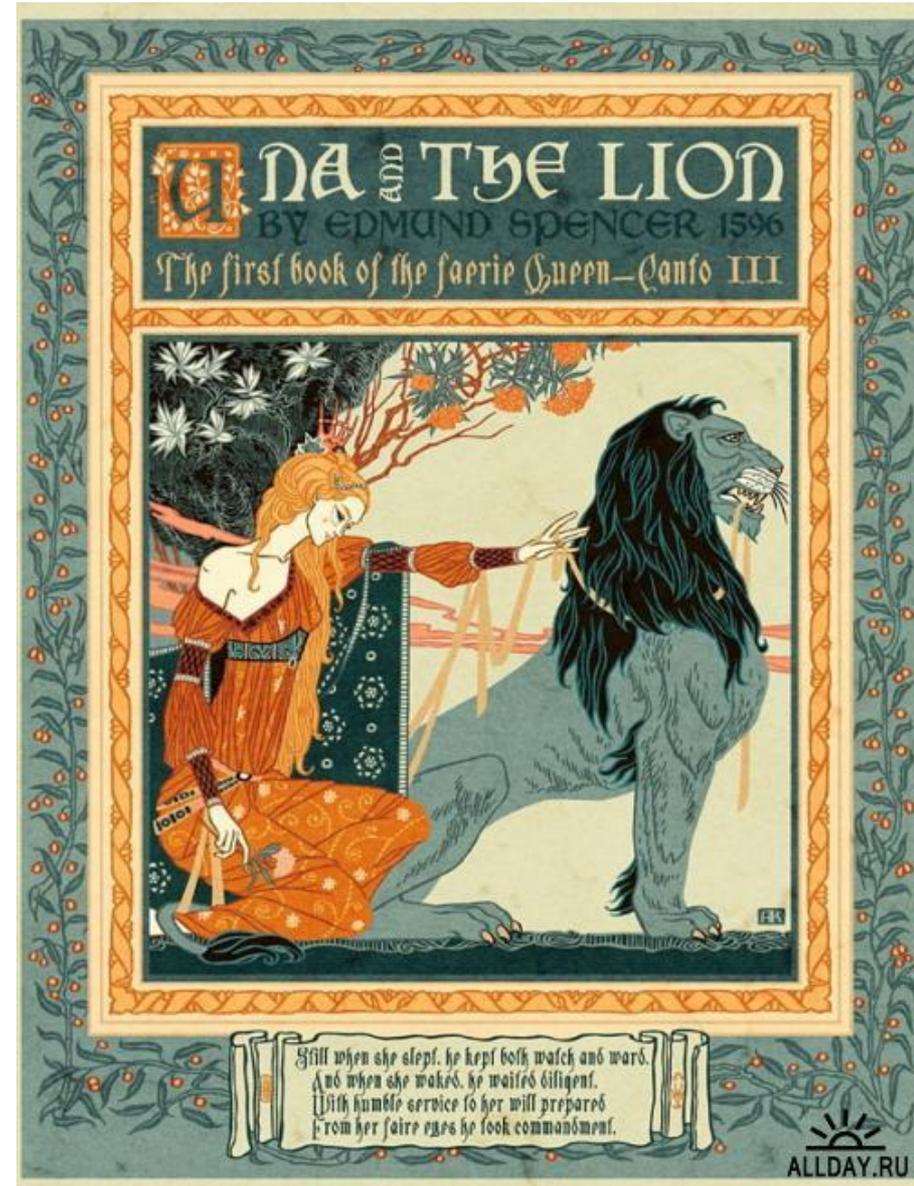
Эдмунд Спенсер

Блаженны вы, страницы, ибо вам,
Дрожащим, как рабы при властелине,
Дано прильнуть к лилейным тем рукам,
В которых жизнь моя подобна глине.

Блаженны строки, что в своей пустыне
Я кровью сердца напитал сполна,
Когда двум светочам – глазам богини –
В них будет мука смертная видна.

Блаженны рифмы, взятые со дна
Священных вод на склонах Геликона,
Коль милостива будет к ним она,
Мой хлеб души и благость небосклона.

Стихи мои, угодны будьте ей!
Что мне за дело до иных судей.

Эдмунд Спенсер

Жена Улисса ткала пелену,
Но распускала свой дневной урок,
Как только в доме отойдут ко сну,
И новой свадьбы отдаляла срок.

Так, видя, что от страсти изнемог
И сети я плету неумоимо,
Любимая всегда найдёт предлог,
Чтоб труд мой долгий сделал струйкой дыма.

Я побеждаю, но победа - мнима,
Начну я вновь и сызнова разбит:
Единым взором труд губя незримый,
Она тенёта в тени обратит.

Так побегают сети паука
От первого дыханья ветерка.

Эдмунд
Спенсер в
путешествии
по Черкесии

Эдмунд Спенсер

Сокровища двух Индий истощив,
О чём, купцы, печётесь ежечасно?
Прилив на службу ставя и отлив,
Вы в дальних странах ищите напрасно.

Вот милая моя. Она – прекрасна.
В ней средоточье всех сокровищ мира:
Паросский мрамор – лоб её бесстрастный,
Её глаза – огромные сапфиры,

И губы – лалы дивного Кашмира,
И руки милой серебра светлей,
И зубы – жемчуг, и дыханье – мирра,
И ослепляет золото кудрей,

Но видим лишь для избранный сердец
Бесценных добродетелей венец.

